Информация для цитирования:

Минина Е. Л., Шуплецова Ю. И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 84–104. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104.

Minina E. L., Shupletsova Yu. I. Les i rastitel'nyy mir: pravovye problemy razgranicheniya [Forest and Plant Life: Legal Problems of Distinction]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 84–104. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104.

УДК 630+347.243.8](470+571)

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104

ЛЕС И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Е. Л. Минина

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации

E-mail: ecology8@izak.ru

Ю. И. Шуплецова

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации

E-mail: ecology10@izak.ru

Поступила в редакцию 13.10.2020

Введение: в статье рассмотрены вопросы, связанные с нормативным определением понятий леса и иной растительности, зеленых насаждений, а также растительности и растительного мира в целом. **Цель:** правовой анализ трансформации подходов к пониманию термина «лес» в советском и современном российском законодательстве в сопоставлении с опытом правового регулирования в зарубежных странах, а также взглядов российских и иностранных ученых на проблему соотношения юридического понятия категории леса и растительности за пределами лесов. **Методы:** сравнительно-правовой; сравнительно-исторический; методы описания и интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Выводы:** рассмотрены правовые вопросы относительно статуса зеленых насаждений в городах и иных населенных пунктах, что в настоящее время регулируется на региональном уровне, как и в ряде европейских стран (в статье – на примере Австрии). **Результаты:** авторами на конкретных примерах показан процесс формирования массива законодательства об использовании и охране объектов растительного мира, включая культивируемые и дикорастущие растения. С учетом опыта стран ближнего зарубежья, а также имеющихся наработок субъектов Российской Федерации предложены варианты нормативного закрепления основных положений императивного качества для дальнейшего развития данного законодательства.

Ключевые слова: лесное законодательство; понятие леса; законодательство о растительном мире; растительность; зеленые насаждения; Лесной кодекс; лесное законодательство субъектов Российской Федерации

© Минина Е. Л., Шуплецова Ю. И., 2021

Information for citation:

Minina E. L., Shupletsova Yu. I. Les i rastitel'nyy mir: pravovye problemy razgranicheniya [Forest and Plant Life: Legal Problems of Distinction]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 84–104. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104.

Минина Е. Л., Шуплецова Ю. И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 84–104. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104.

UDC 630+347.243.8](470+571)

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-84-104

FOREST AND PLANT LIFE: LEGAL PROBLEMS OF DISTINCTION

E. L. Minina

Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

E-mail: ecology8@izak.ru

Yu. I. Shupletsova

Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

E-mail: ecology10@izak.ru

Received 13.10.2020

Introduction: the article discusses issues related to the legal definition of concepts of forest and other vegetation, green spaces, as well as vegetation and plant life in general. **Purpose:** to perform a legal analysis of the transformation of approaches to understanding the term 'forest' in Soviet and modern Russian legislation. The analysis involves comparison of domestic experience with the experience of legal regulation in foreign countries and also takes into account views of Russian and foreign scientists on the relation between the legal concept of forest and vegetation outside forests. **Methods:** comparative legal, comparative historical, description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, special scientific methods: formal dogmatic approach and interpretation of legal norms. **Conclusions:** the authors have studied legal issues concerning the status of green spaces in cities and other settlements, which is currently regulated in Russia at the regional level, in the same way as in some European countries (with the case of Austria used as an illustration in this article). **Results:** using specific examples, the authors have shown the process of formation of legislation on the use and protection of plant life objects, including cultivated and wild plants. Taking into account the experience of the neighboring countries and also the developments of the constituent entities of the Russian Federation, the authors made some proposals concerning the legal enshrinement of main mandatory provisions that could form the basis for further development of legislation in this sphere.

Keywords: forest legislation; concept of forest; legislation on plant life; vegetation; green spaces; Forest Code; forest legislation of the constituent entities of the Russian Federation

© Minina E. L., Shupletsova Yu. I., 2021

FOREST AND PLANT LIFE: LEGAL PROBLEMS OF DISTINCTION

E. L. Minina

Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation
E-mail: ecology8@izak.ru

Yu. I. Shupletsova

Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation
E-mail: ecology10@izak.ru

Received 13.10.2020

Introduction: the article discusses issues related to the legal definition of concepts of forest and other vegetation, green spaces, as well as vegetation and plant life in general. **Purpose:** to perform a legal analysis of the transformation of approaches to understanding the term 'forest' in Soviet and modern Russian legislation. The analysis involves comparison of domestic experience with the experience of legal regulation in foreign countries and also takes into account views of Russian and foreign scientists on the relation between the legal concept of forest and vegetation outside forests. **Methods:** comparative legal, comparative historical, description and interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, special scientific methods: formal dogmatic approach and interpretation of legal norms. **Conclusions:** the authors have studied legal issues concerning the status of green spaces in cities and other settlements, which is currently regulated in Russia at the regional level, in the same way as in some European countries (with the case of Austria used as an illustration in this article). **Results:** using specific examples, the authors have shown the process of formation of legislation on the use and protection of plant life objects, including cultivated and wild plants. Taking into account the experience of the neighboring countries and also the developments of the constituent entities of the Russian Federation, the authors made some proposals concerning the legal enshrinement of main mandatory provisions that could form the basis for further development of legislation in this sphere.

Keywords: forest legislation; concept of forest; legislation on plant life; vegetation; green spaces;
Forest Code; forest legislation of the constituent entities of the Russian Federation

Введение

Современное российское лесное законодательство не содержит четких критериев, позволяющих определить, какие насаждения (или совокупность растений) являются лесом, а также какие правовые последствия это может за собой повлечь. Такое положение дел существенно затрудняет правоприменение, позволяет теневому лесному бизнесу постоянно наращивать объемы незаконной заготовки древесины, способствует практике введения в законодательство все новых и новых терминов, что не только не проясняет правовых подходов к пониманию сущности категории леса и связанных с ним природных объектов, но в основном еще больше их запутывает.

Следует в данном случае согласиться с высказыванием И. А. Игнатьевой относительно тенденции к существенному увеличению количества определяемых понятий в экологическом праве: «За расширением понятийного аппарата скрывается также несовершенство и дублирование определений, неоднозначность определяемых понятий» [4, с. 208].

Так, на сегодняшний день чрезвычайно актуальным и дискуссионным является вопрос о соотношении ряда понятий, используемых в лесном и смежном с ним законодательстве. К числу таких понятий могут быть отнесены понятия «лесопарковый зеленый пояс», «зеленая зона», «лесопарковая зона», «лесные насаждения», «лесные растения» и др. Например, понятие лесопаркового зеленого пояса было включено в законодательство

Information in Russian

ЛЕС И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Е. Л. Минина

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: ecology8@izak.ru

Ю. И. Шуплецова

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: ecology10@izak.ru

Поступила в редакцию 13.10.2020

Введение: в статье рассмотрены вопросы, связанные с нормативным определением понятий леса и иной растительности, зеленых насаждений, а также растительности и растительного мира в целом. **Цель:** правовой анализ трансформации подходов к пониманию термина «лес» в советском и современном российском законодательстве в сопоставлении с опытом правового регулирования в зарубежных странах, а также взглядов российских и иностранных ученых на проблему соотношения юридического понятия категории леса и растительности за пределами лесов. **Методы:** сравнительно-правовой; сравнительно-исторический; методы описания и интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Выводы:** рассмотрены правовые вопросы относительно статуса зеленых насаждений в городах и иных населенных пунктах, что в настоящее время регулируется на региональном уровне, как и в ряде европейских стран (в статье – на примере Австрии). **Результаты:** авторами на конкретных примерах показан процесс формирования массива законодательства об использовании и охране объектов растительного мира, включая культивируемые и дикорастущие растения. С учетом опыта стран ближнего зарубежья, а также имеющихся наработок субъектов Российской Федерации предложены варианты нормативного закрепления основных положений императивного качества для дальнейшего развития данного законодательства.

Ключевые слова: лесное законодательство; понятие леса; законодательство о растительном мире; растительность; зеленые насаждения; Лесной кодекс; лесное законодательство субъектов Российской Федерации

Introduction

Modern Russian forest legislation does not contain clear criteria for determining which plantations (or sets of plants) are forests or which territories can be recognized as forests. Russian legislation also says nothing about legal consequences of the regulatory gaps. This situation significantly complicates law enforcement, allows the shadow forest business to constantly increase the volume of illegal timber harvesting, and also contributes to the introduction of new terms into legislation, which not only does not clarify legal approaches to understanding the essence of forest and associated natural objects, but makes the situation even more

complicated. We share the opinion of I. A. Ignatieva regarding the trend towards a significant increase in the number of concepts defined in environmental law: 'Behind the expansion of the conceptual framework, there are found imperfection and duplication of definitions, ambiguity of the defined concepts' [4, p. 208].

Today the question of the correlation of concepts used in forestry and related legislation is extremely relevant and unclear. These concepts include 'forest park green belt', 'green zone', 'forest park area', 'forest plantations', 'forest plants', etc. For example, the concept of a forest park green belt was included in the legislation

в 2016 году¹, в то же время лесное законодательство оперирует смежными понятиями – «зеленая зона» и «лесопарковая зона», соотношение которых остается не полностью ясным.

Однако вопрос разграничения леса и иной растительности сложен сам по себе, как в теоретическом, так и в практическом плане, и это подтверждают законотворческая деятельность и научные исследования в зарубежных странах.

Другая сторона затронутой проблемы – отсутствие сколько-нибудь системного подхода к пониманию проблемы растительного мира и его составляющих, что не позволяет определить границы его допустимого использования и степени охраны. Регулирование осуществляется фрагментарно, применительно к отдельным видам, группам растений согласно их особому экономическому либо природоохранному назначению. В этой связи необходимо отметить, что сама постановка вопроса о законодательстве о растительном мире начинает постепенно формироваться, является довольно новой, поэтому представляется важным детальное исследование как имеющихся на федеральном и региональном уровнях работ, так и анализ возможных перспектив дальнейшего развития этого направления природоресурсного права.

Подходы к определению понятий «лес» и «иная растительность» в российском и зарубежном законодательстве

Следует заметить, что проблема определения понятия «лес» для российской науки лесного права не является новой. Например, в научной литературе советского времени неоднократно рассматривался вопрос, который, например, Г. Н. Полянская считала имеющим «существеннейшее» правовое значение [9, с. 197]: является ли лесом некая совокупность растений? При этом она неоднократно отмечала, что данный вопрос в ряде случаев так и остался открытым [8, с. 47–51].

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов: Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 353-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В современном законодательстве и правоприменительной практике отнесение растительности к категории «не леса» практически автоматически делает такую растительность принадлежностью земельного участка, не имеющей самостоятельного правового значения².

Здесь также необходимо заметить, что лесное законодательство ставит отнесение растительности к лесам в зависимость от решения вопроса о собственности на земельные участки, на которых располагаются леса [13, с. 121]. Поэтому более детальное исследование вопроса о соотношении лесов и земельных участков позволит ближе подойти к решению вопроса об отнесении растительности к той или иной категории.

Так, в Лесном кодексе РСФСР 1923 года понятия лесов и земельных участков, на которых они расположены, разделялись. Примером этого может служить то, что государственный лесной фонд состоял из лесов общегосударственного значения и лесов местного значения, а также лесных участков, расположенных вне крупных лесных массивов [12, с. 11–12]. Таким образом, впервые появившееся в советском законодательстве понятие государственного лесного фонда не совпадало с понятием «лес».

Что же входило в состав государственного лесного фонда? Например, в состав лесного фонда включались леса, расположенные «на непригодных по почвенным условиям для ведения сельского хозяйства земфондах (на госземимуществах, госземзапасах, надельных землях, переселенческих участках и на территории совхозов)»³.

Такая категория земель, как «земли государственного лесного фонда», впервые появилась в Основах земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 года⁴.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 261 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

³ Об организации управления лесами местного значения: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 2 марта 1932 г. П. 6 // СУ РСФСР. 1932. № 26, ст. 126.

⁴ До принятия указанного нормативного акта в законодательстве такая категория земель не выделялась, однако при этом имелось указание, что единый государственный лесной фонд образуют все леса и земельные площади, предназначенные для получения древесины и для нужд лесного хозяйства, отграниченные в установленном для

in 2016¹. At the same time, forest legislation employs related concepts such as ‘green zone’ and ‘forest park area’, with the correlation between these terms remaining unclear.

However, the issue of differentiating between forests and other vegetation is complex in itself, both in theoretical and practical terms, which is also evidenced by lawmaking practice and scientific research in foreign countries.

Another aspect of the raised problem is the absence of any systemic approach to understanding the concepts of plant life and its components, which makes it impossible to determine the limits of permissible use and protection of plant life. Legal regulation is carried out in a scattered manner, in relation to individual species, groups of plants, according to their special economic or environmental purpose. It is noteworthy that the very question of developing legislation on plant life is quite new. Therefore, it seems important to study the best practices at the federal and regional levels and to analyze the possible prospects for the further development of this branch of natural resources law.

Approaches to Defining the Concepts ‘Forest’ and ‘Other Vegetation’ in Russian and Foreign Legislation

It should be noted that the problem of defining the concept of forest is not new for Russian science. For example, Soviet scientific literature repeatedly discussed the question whether a collection of plants is a forest. G. N. Polyanskaya considered this question to be of highest legal importance [9, p. 197]. However, she repeatedly noted that this issue remained open in a number of cases [8, pp. 47–51].

¹ Federal Law No. 353-FZ ‘On Introducing Amendments to the Federal Law ‘On Environmental Protection’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Creation of Forest-Park Green Belts’ of July 3, 2016. Access from the legal reference system ‘Consultant Plus’.

In modern legislation and law enforcement practice, the classification of vegetation as ‘not forests’ almost automatically makes such vegetation being part of a land plot, having no independent legal significance².

It should also be noted that under forestry legislation, vegetation is referred to forests dependent on the ownership of the land where forests are located [13, p. 121]. Therefore, a more detailed study of the correlation between forests and land plots will allow a closer approach to solving the issue of classifying vegetation under one category or another.

In the Forest Code of the RSFSR of 1923, the concepts of forests and land plots on which they were located were differentiated. An example is the fact that the state forest fund consisted of forests of national importance and forests of local importance, as well as forest areas located outside large forests [12, pp. 11–12]. Thus, the concept of the state forest fund, which first appeared in Soviet legislation, did not coincide with the concept ‘forest’.

What was included in the state forest fund? Among other objects, those were forests located ‘on land unsuitable for farming due to its soil conditions (on state land properties, state land reserves, allotment lands, resettlement plots and on the territory of state farms)’³.

Such a category of land as ‘land of the state forest fund’ first appeared in the Fundamentals of Land Legislation of the USSR and the Union Republics of 1968⁴.

² Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ. Article 261. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.

³ ‘On the Organization of Local Forest Management’: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of March 2, 1932. Paragraph 6. *Code of Justice of the RSFSR*. 1932. No. 26. Art. 126.

⁴ Before the adoption of this act, such a category of land was not distinguished in the legislation. However, there was an indication that the unified state forest fund was formed by all forests and lands intended for obtaining timber and for the needs of forestry, delimited through the established procedure from other lands (Clause 1 of Section 1 of the Forest Code of the RSFSR of 1923).

После принятия данного нормативного акта в юридической литературе началось обсуждение вопроса о правовом регулировании отношений, связанных с использованием лесов, расположенных на иных, помимо земель государственного лесного фонда, категориях земель [8, с. 47–52].

В дальнейшем в законодательстве появилось такое понятие, как «насаждения, не входящие в лесной фонд».

В составе таких насаждений в разное время выделялись:

- отдельно стоящие деревья и группы деревьев, а также иная древесно-кустарниковая растительность на землях сельскохозяйственного назначения;
- защитные насаждения на полосах отвода железных, автомобильных дорог и каналов;
- деревья и группы деревьев, а также озеленительные насаждения в городах и других населенных пунктах, произрастающие на землях, не занятых городскими лесами;
- деревья и группы деревьев на приусадебных, дачных и садовых участках¹.

Подобный подход в настоящее время сохранился в некоторых постсоветских государствах. Такого рода преюбреженность можно связать с тем, что указанная классификация имела важное практическое значение для организации лесного хозяйства, а также для использования в соответствии с целевым назначением лесов и древесно-кустарниковых насаждений, не входящих в состав лесов [5, с. 9]. Однако даже в советское время данный вопрос не был до конца урегулирован и, как справедливо отмечается в научной литературе, специальные нормативные акты были приняты только в отношении некоторых категорий объектов растительного мира, например редких растений, зеленых на-

саждений, лекарственных растений и т. п. [11, с. 129–130].

Лесной фонд, согласно названным выше Основам лесного законодательства, а также Лесному кодексу РСФСР 1978 года², состоял из лесов государственного значения, которые находились в ведении государственных органов лесного хозяйства, городских лесов, т. н. закрепленных лесов и лесов заповедников, а также колхозных лесов, которые находились на землях, предоставленных в бессрочное пользование колхозам³.

Все эти леса произрастали на выделенных в отдельную категорию земель землях государственного лесного фонда. В данную категорию были включены земли, покрытые лесом, а также не покрытые лесом, но предназначенные для нужд лесного хозяйства. Такое регулирование позволяет сделать вывод, что в советский период понятия лесов и земель, на которых они расположены, разделялись достаточно четко. Однако в дальнейшем, уже в первом Лесном кодексе Российской Федерации, было установлено, что лесные отношения включают в себя как отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, как входящих, так и не входящих в лесной фонд, так и земель лесного фонда, не покрытых лесной растительностью⁴.

В то же время в научной литературе советского и постсоветского времени не отмечается единства в вопросе о том, какому законодательству отдавать приоритет при регулировании отношений в области охраны и использования земель, на которых расположены леса. Например, высказывалось мнение, что «правовой режим земель, покрытых лесами, должен ставиться в зависимость от правового режима лесов, расположенных на них» [3, с. 17]. При этом существовала и другая точка зрения, согласно которой «использование и охрана лесов

The adoption of this act provoked a legal discussion on the regulation of relations connected with the use of forests located on land of other categories, in addition to the lands of the state forest fund [8, pp. 47–52].

Later, there was introduced a new term in the legislation – ‘plantations not included in the forest fund’.

At different times such plantations were supposed to include:

- isolated trees and groups of trees, as well as other tree and shrubbery vegetation on agricultural land;
- protective plantings on railway, highway, canal rights-of-way;
- trees and groups of trees, as well as plantings in cities and other settlements growing on lands not occupied by urban forests;
- trees and groups of trees in household plots, countryside allotments and garden plots¹.

A similar approach is still applied in some post-Soviet states. This continuity must be due to the fact that this classification was of great practical importance for the organization of forestry, as well as for the purpose-based use of forests and tree and shrub plantations that are not part of forests [5, p. 9]. However, even in Soviet times, this issue was not fully resolved and, as rightly noted in scientific literature, special regulations were adopted only in relation to certain categories of

plant life objects, for example, rare plants, green spaces, medicinal plants, etc. [11, pp. 129–130].

The forest fund, in accordance with the above-mentioned Fundamentals of Forest Legislation, as well as the Forest Code of the RSFSR of 1978², consisted of federal public forests, which were under the jurisdiction of state forestry authorities, urban forests, the so-called allocated forests and forests of reserves, as well as collective farm forests that were located on lands provided for permanent use by collective farms³.

All these forests were located on the lands of the state forest fund classified as a separate category of land. This category included lands covered with forest, as well as not covered with forest but intended for the needs of forestry. Such regulation allows us to conclude that in the Soviet period the concepts of forests and lands on which they were located were quite clearly differentiated. However, subsequently – in the first Forest Code of the Russian Federation – it was established that forest relations included both relations concerning the use, protection and reproduction of forests (both included and not included in the forest fund) and forest lands not covered with forest vegetation⁴.

At the same time, in scientific literature of the Soviet and post-Soviet period, there is no unity in the question of which legislation to give priority when regulating relations in the field of protection and use of lands on which forests are located. For example, there was an opinion that ‘the legal regime of lands covered with forests should be made dependent on the legal regime of forests located on them’ [3, p. 17]. However, there was another point of view, according to which ‘the use and protection

того порядке от земель иного назначения (п. 1 разд. 1 Лесного кодекса РСФСР 1923 года).

¹ См., например: статья 5 Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик // Закон СССР от 17 июня 1977 г. № 5906-IX «Об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик». Документ фактически утратил силу в связи с принятием Соглашения «О создании Содружества Независимых Государств» от 8 дек. 1991 г., ратифицированного постановлением ВС РСФСР от 12 дек. 1991 г. № 2014-1, и денонсацией Договора об образовании СССР, утв. I Съездом Советов СССР 30 дек. 1922 г., постановлением ВС РСФСР от 12 дек. 1991 г. № 2015-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке введения в действие Основ Лесного законодательства Российской Федерации: постановление ВС РФ от 6 марта 1993 г. № 4616-1. (Данный документ признан утратившим силу).

³ Статья 4 Лесного кодекса РСФСР 1978 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 32, ст. 846, 847.

⁴ Лесной кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 янв. 1997 г. № 22-ФЗ. Ст. 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Федеральным законом от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ данный Кодекс признан утратившим силу с 1 января 2009 г.

¹ See, for example, Article 5 of the Fundamentals of Forest Legislation of the USSR and Union Republics. *Law of the USSR No. 5906-IX* ‘On Approval of the Fundamentals of Forest Legislation of the USSR and Union Republics’ of June 17, 1977. The document actually became invalid due to the adoption of the Agreement ‘On the Creation of the Commonwealth of Independent States’ of December 08, 1991 ratified by the Resolution of the Supreme Council of the RSFSR No. 2014-1 of December 12, 1991 and the denunciation of the Treaty on the formation of the USSR approved by the 1st Congress of Soviets of the USSR on December 30, 1922, by Resolution of the Supreme Council of the RSFSR No. 2015-1 of December 12, 1991. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

² On the Procedure of Entry into Force of the Fundamentals of Forest Legislation of the Russian Federation: Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of March 6, 1993 No. 4616-1. (The document was declared invalid).

³ Article 4 of the Forest Code of the RSFSR of 1978. *Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR*. 1978. No. 32. Art. 846, 847.

⁴ Forest Code of the Russian Federation: Federal Law of January 29, 1997 No. 22-FZ. Article 5. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’. The Code was declared to be no longer in force from January 1, 2009 by the Federal Law of December 4, 2006 No. 201-FZ.

находятся в прямой зависимости от состояния земель, на которых они расположены» [6, с. 2].

В российском законодательстве в настоящее время какое бы то ни было разделение на «леса» и «не леса» отсутствует. Более того, «представление о лесе», закрепленное в Лесном кодексе Российской Федерации, отличается неопределенностью и не позволяет не только отграничить леса от других видов насаждений, но и ответить на вопрос о том, при каких условиях группа насаждений может считаться лесом¹.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время решение вопроса о приоритете того или иного законодательства при регулировании охраны и использования лесов и не лесной растительности все-таки зависит от статуса самой растительности. Поэтому в отношении лесов будет применяться прежде всего лесное законодательство, тогда как в отношении иной растительности – земельное и гражданское законодательство.

Нельзя не отметить, что важный вопрос о юридическом понятии леса и критериях его отграничения от другой растительности является актуальным не только для российского, но и для зарубежного законодательства, затрагивается в исследовании и ряда иностранных ученых.

Зачем нужно определение понятий леса и иной растительности? Кристиан фон Бар, например, говоря об определении понятия «земельный участок», отмечает, что оно необходимо, прежде всего, для того, чтобы «создать возможность устанавливать вещные права на обитаемую часть нашей планеты» [1, с. 119]. Разделяя данное мнение, заметим, что определение такого объекта, как лес, даст нам возможность сделать некий природный объект объектом правового регулирования.

В том смысле, который придается этому слову в большинстве языков мира, под лесом понимается часть земной поверхности, покрытая деревьями, которая превышает определенный (например, законом) минимальный размер

и (или) на которой размещено определенное количество деревьев.

Но, как отмечается в зарубежной научной литературе, определение понятия леса очень часто расплывчато [14, pp. 189–201] и зависит от смыслового контекста, в котором оно употребляется: в повседневном языке, как географический, биологический, юридический, экономический и иной термин [15, pp. 10–20; 16, pp. 21–27]. Более точные определения, как правило, охватывают только часть смыслового контекста. Так, например, определение, широко распространенное в немецкой лесной науке, называет лесом образование, которое «по существу состоит из деревьев и занимает такую большую территорию, что на нем может развиваться характерный лесной климат» [20, S. 1–3].

Иностранцами исследователями проанализировано законодательство различных государств и выявлено 63 различных национальных правовых определения понятия леса и 149 определений термина «дерево» (который имеет важное правовое значение для установления понятия леса) [16, pp. 21–27]. При этом отмечается, что в большинстве случаев перед законодателями стояла задача выделить признаки леса, отличающие его, в частности, от плантаций, состоящих из древесных пород (например, плантаций так называемой энергетической древесины, плантаций масличных пальм [18, pp. 60–64]), от парков с деревьями и зелеными насаждениями, частично засаженных деревьями пастбищ (в англоязычной литературе под пастбищами также понимаются альпийские пастбища [17, pp. 3–10]) и открытых или только частично засаженных деревьями территорий, деградировавших из-за выпаса скота или чрезмерного использования, а также от естественно частично открытых территорий, таких как древесные саванны.

Согласно определению, приведенному в Глобальной оценке лесных ресурсов, периодически проводимой Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), лес – это «любой земельный участок площадью более 0,5 гектара с деревьями выше 5 метров и пологом более 10% или совокупность отдельно стоящих деревьев, достигающих этих показателей»².

² URL: <http://www.fao.org/3/a-ap862e.pdf>.

of forests is directly linked to the state of the lands on which they are located» [6, p. 2].

At the present time, in Russian legislation there is no division into ‘forests’ and ‘not forests’. Moreover, the concept of forest enshrined in the Forest Code of the Russian Federation is notable for its uncertainty and does not allow one not only to distinguish forests from other types of plantations, but also to answer the question of under what conditions a group of plantations can be considered a forest¹.

On the basis of the foregoing, it can be concluded that at present the decision on the priority of a particular legislation in the regulation of the protection and use of forests and non-forest vegetation still depends on the status of vegetation itself. Therefore, in relation to forests, forest legislation will be applied, while in relation to other vegetation – land and civil legislation.

It is noteworthy that the issue of the legal concept of forest and the criteria for its differentiation from other vegetation is relevant not only for Russian but also for foreign legislation; therefore, it is given attention in the studies of a number of foreign scientists.

Why do we need to define forest and other vegetation? Speaking about the definition of the concept ‘land’, Christian von Bar notes that it is necessary, first of all, in order to ‘create the possibility of establishing property rights to the inhabited part of our planet’ [1, p. 119]. Sharing this opinion, we should also note that the definition of such an object as forest will give us the opportunity to make a certain natural object an object of legal regulation.

In the sense that is attached to this word in most languages of the world, a forest is understood as part of the earth's surface covered with trees, exceeding a certain (for example, by law) mini-

¹ As will be shown below, in Russian legislation there is an attempt to give a definition of plantations of a different kind, which could be assessed as a positive example: Federal Law of December 27, 2019 No. 468-FZ ‘On Viticulture and Wine-making in the Russian Federation’ defines grape plantations, which include artificial plantations of a certain kind.

mum size and / or on which a certain number of trees are located.

However, as noted in foreign scientific literature, the definition of forest is very often vague [14, pp. 189–201] and depends on the semantic context in which it is used: in everyday language, as a geographical, biological, legal, economic and other term [15, pp. 10–20; 16, pp. 21–27]. More precise definitions of forest, as a rule, cover only part of the semantic context. For example, according to the definition that is widely accepted in German forestry science, forest is a formation that ‘essentially consists of trees and occupies such a large area that a characteristic forest climate can develop on it’ [20, pp. 1–3].

Foreign researchers have analyzed the legislation of various states and identified 63 different national legal definitions of forest and 149 definitions of the term ‘tree’ (which has an important legal significance for establishing the concept of a forest) [16, pp. 21–27]. At the same time, it is noted that in most cases the legislators were faced with the task of identifying forest features that distinguish it, in particular, from plantations consisting of tree species (for example, plantations of the so-called energy wood, oil palm plantations [18, pp. 60–64]), parks with trees and green spaces, partially forested pastures (in the English-language literature, pastures also mean alpine pastures [17, pp. 3–10]) and open or only partially forested areas degraded by grazing or overuse, as well as naturally partially open areas such as tree savannas.

According to the definition given in the Global Forest Resources Assessment, periodically conducted by the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), a forest is ‘land spanning more than 0.5 hectares with trees higher than 5 meters and a canopy cover of more than 10 percent, or trees able to reach these thresholds in situ’².

² Available at: <http://www.fao.org/3/a-ap862e.pdf>.

Некоторые авторы считают, что данное определение – «это безумие» [19]: парки больших городов и биологически бесплодные плантации сельскохозяйственных растений здесь квалифицируются наряду с тропическими лесами Амазонки как «леса». Это означает, что рассматривать категорию «леса» можно в терминах, выбранных произвольно, без использования четких критериев, определяющих особенности конкретных «лесов».

Однако следует заметить, что в Глобальной оценке лесных ресурсов содержится специальное указание о том, что в состав лесов не включаются земли, которые используются преимущественно в сельском хозяйстве или находятся в городах.

И все-таки, даже с такой оговоркой, приведенное выше определение фактически сводит леса к чистому древесному покрову¹. Оно игнорирует структурное, функциональное и биологическое разнообразие деревьев и других видов растений, из которых состоит лес, а также их значение для сообществ, живущих в лесу. Данное определение даже позволяет классифицировать плантации генетически модифицированных древесных пород как «лесные».

Определение ФАО может способствовать лоббированию интересов владельцев промышленных лесных плантаций, древесина которых используется для изготовления бумаги, целлюлозы, каучука и целей биоэнергетики. Увеличение же площади промышленных монокультур деревьев, например эвкалипта, сосны и акации, прямо или косвенно приводит к уничтожению лесов, нарушает биоразнообразие, способствует изменению климата и разрушает образ жизни коренных и других народов, зависящих от лесов², лишая их средств к существованию.

Сведение пользы лесов к функции поглотителей углерода также позволяет компаниям называть промышленные плантации деревьев «лесонасаждениями», которые могут быть использованы при т. н. торговле квотами, что не решит, однако, проблему изменения климата в глобальном масштабе.

Во время Всемирного лесного конгресса ФАО в Дурбане (Южная Африка) широкая коалиция общественных движений, неправительственных организаций и активистов призвала ФАО и другие учреждения сформулировать новое определение лесов таким образом, чтобы плантации сельскохозяйственных растений не могли больше определяться как леса.

Как уже отмечалось, существует множество определений понятия леса в литературе и в законодательстве зарубежных стран. Определения широко варьируются от страны к стране и даже среди отдельных частей государства, например штатов США.

При этом, как представляется, любое определение так или иначе исходит либо из понятия леса как совокупности растительности, либо из назначения земли, на которой данная растительность произрастает. Однако чаще всего оба подхода, которые можно было бы назвать «растительный» и «земельный», в законодательных определениях в том или ином виде смешиваются.

Например, в соответствии с § 2 Федерального закона Германии о сохранении лесов и развитии лесного хозяйства (Bundeswaldgesetz (BWaldG)), лес представляет собой любую территорию, покрытую лесными растениями; кроме того, в состав леса включаются вырубki, редины, лесные тропы, лесополосы и защитные полосы, лесные опушки и поляны, лесные луга, иные не покрытые лесной растительностью участки, участки, используемые для хранения древесины, и другие участки, связанные с лесом и предназначенные для ведения лесного хозяйства³. То есть в данном случае лес, с одной стороны, представляется совокупностью растительности, а с другой – территорией, покрытой этой растительностью.

Следует согласиться с выводами исследовавшего данную проблему Гайда Лунда о том, что правовое регулирование использования природных ресурсов требует в первую очередь согласовать между собой понятия леса и земли, на которой он расположен, и что в вопросе отнесения растительности к тому или иному виду совокупности растений важно опираться на количественные показатели – такие как ми-

Some authors believe that defining forest in this way is ‘nuts’ [19] (i.e. a crazy idea): under this definition, parks of large cities and biologically sterile plantations of agricultural crops can be classified as ‘forests’ along with the Amazon rainforest. Such an approach implies the possibility of dealing with the concept of forest by means of arbitrarily chosen terms, without using clear criteria that would define characteristics of particular ‘forests’.

However, it should be noted that the above-mentioned Global Forest Resources Assessment contains a special warning that forests do not include land that is used primarily for agriculture or land located in cities.

And yet, even with this warning, the above definition actually reduces forests to arboreal cover¹. It ignores the structural, functional and biological diversity of trees and other plant species that constitute the forest, as well as their importance to communities living in the forest. This definition even allows for the classification of genetically modified tree plantations as ‘forest’.

The FAO's definition can help lobby the interests of industrial plantation owners whose wood is used for paper, pulp, rubber and bioenergy purposes. Consequent increase in the area of industrial monocultures of trees – for example, eucalyptus, pine and acacia – directly or indirectly leads to the destruction of forests, disrupts biodiversity, contributes to climate change and destroys the way of life of indigenous and other peoples who depend on forests², depriving them of their livelihoods.

Reducing the positive contribution of forests to their being carbon sinks also allows companies to refer to industrial tree plantations as ‘afforestation’. This can be used in so-called emissions trading, which, however, will not solve the problem of global climate change.

During the FAO World Forestry Congress in Durban, South Africa, a broad coalition of social movements, nongovernmental organizations and activists called on the FAO and other agencies to redefine forests. According to the new definition, crop plantations can no longer be defined as forests.

As already noted, there are many definitions of forest in the literature and in the legislation of foreign countries. Definitions vary widely from country to country, and even among individual parts of a state, for example the states of the USA.

At the same time, it seems that any definition in one way or another comes either from the concept of a forest as an aggregate of vegetation or from the purpose of the land on which this vegetation grows. However, most often both these approaches, which could be called ‘vegetation-based’ and ‘land-based’, are mixed in some way in legislative definitions.

For example, according to § 2 of the German Federal Law on Forest Conservation and Forestry Development (Bundeswaldgesetz (BWaldG)), a forest is any area covered with forest plants; forest is supposed to include felling, openings, forest paths, forest belts and protective belts, forest edges and clearings, forest meadows, other areas not covered with forest vegetation, areas used for storing wood and other areas associated with the forest and intended for forestry management³. In this case, forest, on the one hand, is represented as a set of plants, and on the other, by the territory covered with this vegetation.

We must agree with the conclusions of Hyde Lund, who investigated this problem, that legal regulation of the use of natural resources requires, first of all, concepts of forest and land on which it is located to be brought into accordance. It also requires that when referring vegetation to a particular type of a set of plants it is important to rely on quantitative indicators such

¹ URL: <https://www.regenwald.org/petitionen/1013/sagen-sie-der-uno-plantagen-sind-kein-wald#letter>.

² По данным ФАО, как минимум, 300 млн человек во всем мире напрямую зависят от леса как источника средств к существованию.

¹ Available at: <https://www.regenwald.org/petitionen/1013/sagen-sie-der-uno-plantagen-sind-kein-wald#letter>.

² FAO estimates that at least 300 million people worldwide are directly dependent on forests as source of livelihood.

³ Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/bwaldg/BJNR010370975.html>.

нимальная площадь растительного покрова (или ширина полосы растительности) и высота деревьев [16, pp. 21–27].

Одним из интересных примеров смешанного подхода к определению понятия «лес» является закон Республики Эквадор о лесе, сохранении природных зон и дикой природы 2004 года¹. В соответствии с ним в Эквадоре охраняются законом, прежде всего, защитные леса и растительность – растительные образования, естественные или культивируемые, соответствующие одному или нескольким из следующих требований:

а) имеют в качестве основной функции сохранение почвы и естественной окружающей среды;

б) способны снижать опасность таких природных явлений, как тропические ливни, а также способствовать сохранению гидрографических бассейнов, особенно в районах с малым количеством осадков;

в) находятся в горах или районах, прилегающих к источникам, ручьям или иным естественным резервуарам для воды;

г) создают ветрозащитные полосы;

д) находятся в местах проведения гидрологических и лесных исследований;

е) находятся в стратегических зонах национальной обороны;

ж) созданы для защиты природных ресурсов или выполняют иную общественно полезную функцию.

Под такое определение могут попадать леса, находящиеся не только на государственных землях, но и в частных владениях. Например, лесные земли, которые принадлежат государству, естественные леса, которые на них расположены, леса, которые возобновляются самостоятельно, а также дикая флора и фауна составляют лесное наследие государства. Кроме того, государству принадлежат леса, которые были посажены на государственной земле, за исключением тех, которые были высажены поселенцами и членами муниципальных общин на землях, переданных государством в их владение.

Под лесными землями в указанном Законе Эквадора понимаются те земли, которые, в силу своих природных условий, местоположения или потому, что они не подходят для сельскохозяйственного использования, должны быть предназначены для выращивания древесных и кустарниковых пород, для сохранения защитной растительности, в т. ч. травянистой в соответствии с требованиями общественных интересов и охраны окружающей среды.

В то же время государство гарантирует право частной собственности на лесные земли и на сами леса, находящиеся в частной собственности, с ограничениями, установленными конституцией страны и иными законами. В случае произрастания естественных лесов на землях, принадлежащих исключительно частному лицу, собственник обязан сохранять и использовать их в соответствии с требованиями, установленными правилами указанного выше Закона.

Как видно из приведенных примеров, в обеих странах используется смешанный «растительно-земельный» подход, при котором за основу, как правило, берется охрана растительности как самоценности, а земля представляется некоторой частью общего режима охраны.

Нельзя не отметить, что в российском законодательстве можно наблюдать скорее «земельный» подход, при котором правила охраны растительности напрямую зависят от категории и принадлежности земли, на которой они расположены. Так, наиболее защищены с точки зрения российского законодательства леса и иная растительность, находящаяся в границах принадлежащих Российской Федерации земель лесного фонда и земель особо охраняемых природных территорий и объектов. Тогда как древесные и иные насаждения, независимо от их вида и значения, расположенные на землях, относящихся к частной собственности, именуется Гражданским кодексом Российской Федерации растениями, и их судьба как принадлежности земельного участка полностью определяется собственником.

Интересно, что на постсоветском пространстве многие государства сохранили рассматривавшийся выше подход к понятию лесного фонда, который был характерен для лесного законодательства Советского Союза.

as minimum vegetation cover (or swath width) and tree height [16, pp. 21–27].

An interesting example of a mixed approach to the definition of ‘forest’ is demonstrated by the Law of the Republic of Ecuador on Forests, Conservation of Natural Zones and Wildlife of 2004¹. This law first of all gives protection to protective forests and vegetation - plant formations, natural or cultivated, that meet one or more of the following requirements:

a) have as their main function the preservation of soil and natural environment;

b) are able to reduce the danger of such natural phenomena as tropical showers, as well as contribute to the preservation of hydrographic basins, especially in areas with low rainfall;

c) are located in the mountains or areas adjacent to springs, streams or other natural water reservoirs;

d) create windbreak strips;

e) are located in the places where hydrological and forest research is carried out;

f) are located in strategic zones of national defense;

g) are created to protect natural resources or perform another socially useful function.

This definition can include forests located not only on state land but also being in private ownership. For example, forest lands that belong to the state, natural forests that are located on them, forests that renew themselves, as well as wild flora and fauna which constitute the forest heritage of the state. In addition, the state owns forests that were planted on state land, with the exception of those that were planted by settlers and members of municipal communities on lands transferred by the state to their ownership.

Forest lands in the aforementioned law of Ecuador are understood as those lands that, due to their natural conditions and location or because they are not suitable for agricultural use, must be intended for the cultivation of tree and shrub species, to preserve protective vegetation, including herbaceous, in accordance with the requirements of public interests and environmental protection.

At the same time, the state guarantees the right of private ownership of forest lands and forests themselves being in private ownership, with the restrictions established by the country's constitution and other laws. In the event that natural forests are found on land owned exclusively by a private person, the owner is obliged to preserve and use them in accordance with the requirements established by the rules of the above-mentioned law.

As can be seen from the above examples, both countries use a mixed ‘vegetation-land-based’ approach, based, as a rule, on protection of vegetation as an intrinsic value, and also on presentation of land as some part of the general protection regime.

It should be noted that Russian legislation demonstrates more of the ‘land-based’ approach, under which the rules for the protection of vegetation directly depend on the category and ownership of the land on which they are located. Russian legislation gives highest protection to forests and other vegetation located within the boundaries of forest fund lands belonging to the Russian Federation and lands of specially protected natural areas and objects; whereas tree and other plantations, regardless of their type and value, located on lands being private property are called plants by the Civil Code of the Russian Federation, and their fate is completely determined by the owner.

Interestingly, in the post-Soviet space, many states have retained the above approach to the concept of forest resources, which was characteristic for the forest legislation of the Soviet Union.

¹ URL: <https://www.ambiente.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2015/06/Ley-Forestal-y-de-Conservacion-de-Areas-Naturales-y-Vida-Silvestre.pdf>.

¹ Available at: <https://www.ambiente.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2015/06/Ley-Forestal-y-de-Conservacion-de-Areas-Naturales-y-Vida-Silvestre.pdf>.

Так, Лесной кодекс Республики Казахстан¹ определяет, что лесной фонд образуют: 1) все находящиеся на территории страны леса; 2) не покрытые лесной растительностью земли лесного фонда, которые предназначены для нужд лесного хозяйства (ст. 6).

Существенным отличием от законодательства советского периода является то, что в Республике Казахстан лесной фонд делится на государственный и частный. К частному лесному фонду отнесены следующие виды насаждений: искусственные; агролесомелиоративные; возникшие семенным или вегетативным путем естественные насаждения; защитные насаждения на полосах отвода частных автомобильных дорог; частные лесные питомники. При этом такие насаждения должны быть созданы за счет средств физических и негосударственных юридических лиц и расположены на землях, предоставленных данным лицам в частную собственность или долгосрочное землепользование с целевым назначением для лесоразведения.

Своеобразно решен в Республике Казахстан вопрос о праве собственности на леса: согласно статье 7 Лесного кодекса, государственный лесной фонд находится в республиканской собственности, а в отношении участков частного лесного фонда лесовладельцами осуществляются владение, пользование и распоряжение. Исходя из того, что владение, пользование и распоряжение составляют в совокупности полномочия собственника, можно сделать вывод, что формулировка названной статьи подразумевает частную собственность на леса, прямо ее не называя.

Но особенно следует отметить представляющуюся важной, в русле данного исследования, норму пункта 5 статьи 7 Лесного кодекса Казахстана, в которой конкретно перечислены те объекты, которые не входят в лесной фонд. Это расположенные вне земель государственного лесного фонда: отдельные деревья и группы деревьев площадью менее 0,05 га; кустарниковая растительность на землях сельскохозяйственного назначения; озеленительные насаждения в населенных пунктах (кроме городских лесов); деревья и кустарники на приуса-

дебных, дачных и садовых участках. Не все правовые решения в приведенной норме представляются нам достаточно четкими и однозначными для того, чтобы рекомендовать их к заимствованию – например, то, что исходя из вышеизложенных положений плодовые сады сельскохозяйственных организаций должны относиться к частному лесному фонду, т. е. считаться лесами. Но сама идея установления в законодательстве перечня видов насаждений, которые не входят в лесной фонд, безусловно, заслуживает внимания. Если проводить параллель с российской правовой действительностью, то речь необходимо вести об определении того, какая именно растительность не относится к лесам.

Проблема правового определения понятия «растительность»

Сложность в проведении нормативного отграничения лесов от иной растительности связана не в последнюю очередь с тем, что в федеральных законах до настоящего времени не определены понятия «растительность», «растения», «растительный мир».

При этом достаточно очевидным представляется только то, что произрастающие в лесах растения входят в состав растительного мира и с этой точки зрения «растительный мир» является более широким понятием, чем «лес». Однако лес в правовом понимании является, прежде всего, территорией, т. е. имеющими границы земельными участками (лесными участками), которые могут быть как покрыты, так и не покрыты лесом. Когда же используется термин «растительный мир», как правило, имеется в виду совокупность растений, независимо от того, на каком земельном участке или водном объекте растения расположены; акцент делается на ареал их произрастания. Это может быть, например, та или иная климатическая зона, или часть света, или Земля в целом.

Согласно Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 1), одним из компонентов природной среды является растительный мир. При этом природным ресурсом является именно лес (ст. 5 Лесного кодекса Российской Федерации), а не растительный мир в целом. По крайней мере, в российском законодательстве речь идет исключительно об охране растительного мира

For example, the Forest Code of the Republic of Kazakhstan¹ defines in Article 6, that the forest fund is formed by: 1) all forests located on the territory of the country, 2) lands of the forest fund not covered with forest vegetation that are intended for the needs of forestry.

A significant difference from the legislation of the Soviet period is that in the Republic of Kazakhstan the forest fund is divided into state and private funds. The following types of plantations are referred to the private forest fund: artificial; agroforestry; natural plantations that have appeared through seed or vegetative means; protective plantings on the rights-of-way of private highways; private forest nurseries. Such plantings are supposed to be created at the expense of individuals and non-state legal entities and located on lands provided for these persons for private ownership or long-term land use with a designated purpose of afforestation.

In the Republic of Kazakhstan, the issue of ownership of forests has been resolved in a peculiar way: according to Article 7 of the Forest Code, the state forest fund is in republican ownership, while with respect to plots of the private forest fund there are established such forms of relations as possession, use and disposal on the part of the owners. Proceeding from the fact that possession, use and disposal taken together constitute the powers of an owner, it can be concluded that the wording of the named article implies private ownership of forests, without naming it directly.

In the context of the present research, of special interest is the rule of Clause 5 of Article 7 of the Forest Code of Kazakhstan, which specifically lists those objects that are not included in the forest fund. These are objects located outside the lands of the state forest fund: individual trees and groups of

trees with an area of less than 0.05 hectares; shrub vegetation on agricultural land; green plantings in settlements (except for urban forests); trees and shrubs in household plots, countryside allotments and garden plots. Not all legal solutions in the given rule seem to us to be clear and unambiguous enough to be recommended for borrowing – for example, the implied idea that orchards of agricultural organizations refer to the private forest fund, that is, they are considered forests. However, the very idea of establishing in legislation a list of types of plantations that are not included in the forest fund certainly deserves attention. Drawing a parallel with Russian legal reality, it is necessary to focus on determining what kind of vegetation does not refer to forests.

The Problem of Legal Definition of the Concept 'Vegetation'

Among the reasons why it is difficult to legally differentiate forests from other vegetation is the lack of definitions for concepts 'vegetation', 'plants', 'plant life' in federal laws.

The only thing that appears obvious is that plants growing in forests are part of plant life. From this point of view, 'plant life' is a broader concept than 'forest'. However, in the legal sense, forest is, first of all, a territory, i.e. land plots (forest plots) that have boundaries, and they can be covered or not covered with forest. When the term 'plant life' is used, it is usually meant to denominate a set of plants regardless of the land plot or water body on which they are located; the emphasis is on the area of their growth. This can be, for example, a particular climatic zone, or part of the world, or the Earth as a whole.

According to the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ 'On Environmental Protection' (Article 1), one of the components of the natural environment is plant life. At the same time, it is precisely forest, and not plant life in general, that is considered natural resource (Article 5 of the Forest Code of the Russian Federation). At least, Russian

¹ Лесной кодекс Республики Казахстан от 8 июля 2003 г. № 477-II (с изм. и доп. по состоянию на 27.11.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041486.

¹ Forest Code of the Republic of Kazakhstan No. 477-II of July 8, 2003 (as amended and updated on 27.11.2019). Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1041486

(или объектов растительного мира), о его использовании не упоминается.

В частности, согласно Кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации, одним из условий установления такого наказания, как предупреждение, является отсутствие причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира (ч. 2 ст. 3.4), Земельный кодекс Российской Федерации (ст. 104) предусматривает в качестве одной из целей установления зоны с особыми условиями использования сохранение среды обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира.

Однако в отношении растительного мира отсутствует определенность в вопросе о том, что именно охватывает данное понятие – все существующие на данной территории растения или только дикорастущие. Какие-либо выводы можно делать только по косвенным признакам.

Само по себе отнесение в статье 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» растительного мира к компонентам природной среды не означает, по нашему мнению, признания его совокупностью исключительно дикорастущих растений. Можно провести в данном случае аналогию с поверхностными и подземными водами, которые также являются компонентом природной среды, и состоят из водных объектов, а они, согласно пункту 4 статьи 1 Водного кодекса Российской Федерации, представляют собой и природные, и искусственные водоемы.

Леса включают и естественную, и искусственно высаженную растительность. В частности, применяемое в целях восстановления вырубленных, погибших, поврежденных лесов лесовосстановление осуществляется как естественным, так и искусственным или комбинированным способами (ст. 62 Лесного кодекса Российской Федерации).

Однако обращение к понятию «объект растительного мира» позволяет взглянуть на данный вопрос несколько с иного ракурса.

Как уже отмечалось выше, термин «объект растительного мира» не определяется и не раскрывается в российском законодательстве, однако используется во многих законодательных

актах, и чаще всего – одновременно с упоминанием объектов животного мира.

При этом, как известно, согласно Федеральному закону от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (ст. 1), животным миром признается совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а объектом животного мира, соответственно, – дикое животное.

С одной стороны, поскольку объекты растительного и животного мира упоминаются в законе в едином контексте, следует, по аналогии с животным миром, исключить культивируемые растения из числа объектов растительного мира.

С другой стороны, например, Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» устанавливает (ст. 28), что ботанические сады создаются для формирования специальных коллекций растений в целях сохранения растительного мира и его разнообразия, а положения об отдельных ботанических садах среди целей их деятельности указывают на «сохранение, изучение и обогащение генофонда растений природной и культурной флоры»¹ (т. е. и дикорастущих, и культивируемых растений).

В отношении термина «флора» следует отметить, что он используется преимущественно в международно-правовых актах, таких как Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения², и в нормативных правовых актах Российской Федерации, принятых в целях их применения³. Из самого наименования названной Конвенции, поскольку, судя по всему, определение «дикая» относится как к слову «фауна», так и к слову «флора»,

¹ См., например: *Положение* о ботаническом саде федерального значения «Ботанический сад Южного федерального университета»: приказ Минприроды России от 7 мая 2018 г. № 187 // Российская газета. 2018. 6 июня.

² Заключена в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г., ратифицирована постановлением Совета Министров СССР от 4 августа 1976 г. № 612.

³ Например: *О мерах* по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.: постановление Правительства РФ от 4 мая 2008 г. № 337 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

legislation deals exclusively with the protection of plant life (or plant life objects), while the use of plant life is not mentioned.

In particular, according to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, one of the conditions for establishing such a punishment as warning is the absence of harm or a threat of harm to life and human health, to objects of animal and plant life (Part 2 of Article 3.4). The Land Code of the Russian Federation (Article 104) recognizes the preservation of the habitat of aquatic biological resources and other objects of animal and plant life as one of the goals of establishing zones with special conditions of use.

However, there is no certainty with regard to the content of the concept 'plant life'. It is not clear whether it covers all plants existing on a given territory or only wild ones. Any conclusions can be drawn only based on indirect indications.

In itself, the classification of plant life as a component of the natural environment (Article 1 of the Federal Law 'On Environmental Protection') does not mean, in our opinion, the recognition of it as a set of exclusively wild plants. Here it is possible to draw an analogy with surface and underground waters: they are also a component of the natural environment, and they consist of water bodies, which, in accordance with Clause 4 of Article 1 of the Water Code of the Russian Federation, are represented by both natural and artificial reservoirs.

As is known, forests include both natural and artificially planted vegetation. It is noteworthy that reforestation used to restore felled, dead, damaged forests is carried out both naturally and artificially, or in a combined way (Article 62 of the Forest Code of the Russian Federation).

However, with the focus being on the concept 'plant life object', we can look at this issue from a slightly different angle.

As noted above, the term 'plant life object' is not defined in Russian legislation, though being

used in many legislative acts, and most often together with animal life objects.

At the same time, according to the Federal Law of No. 52-FZ of April 24, 1995 'On Animal Life' (Article 1), we know that animal life is the totality of living organisms of all types of wild animals that permanently or temporarily inhabit the territory of the Russian Federation and are in the state of natural freedom, with a wild animal considered to be an object of animal life.

On the one hand, since objects of flora and fauna are mentioned in the law in a single context, cultivated plants should be excluded from the list of plant life objects by analogy with animal life.

On the other hand, for example, Federal Law No. 33-FZ of March 14, 1995 'On Specially Protected Natural Areas' (Article 28) establishes that botanical gardens are created to form special collections of plants in order to preserve plant life and its diversity; rules covering some individual botanical gardens indicate among the goals of their activities 'the preservation, study and enrichment of the gene pool of plants of natural and cultural flora'¹ (that is, both wild and cultivated plants).

Regarding the term 'flora', it should be noted that it is mainly used in international legal acts, such as the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora,² and in the regulatory legal acts of the Russian Federation adopted for the purpose of their application³. The word 'wild' used in the title of the Convention

¹ See, for example, the Regulations on the botanical garden of federal significance 'Botanical Garden of the Southern Federal University': Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation No. 187 of May 7, 2018.

² Concluded in Washington on March 3, 1973. Ratified by the Decree of the Council of Ministers of the USSR No. 612 of August 4, 1976.

³ For example, the Decree of the Government of the Russian Federation No. 337 'On Measures to Ensure the Fulfillment of the Obligations of the Russian Federation Arising from the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora of March 3, 1973' of May 4, 2008. Access from the legal reference system 'Garant'.

можно предположить, что флора может быть как дикая, так и культивируемая. Но каким образом термин «флора» в данном случае соотносится с понятием «растительный мир», остается не ясным.

В подзаконных нормативных правовых актах Российской Федерации мы находим более четкие формулировки, относительно подходов к пониманию рассматриваемых понятий.

Так, определение растительного мира содержит ГОСТ Р 57007-2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения¹»: растительный мир – это «совокупность произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и насаждений». Соответственно, объектом растительного мира, согласно данному ГОСТу, является «организм растительного происхождения (дикорастущее растение)», а дикорастущими растениями – «растения, находящиеся в их естественной среде произрастания и способные образовывать популяции, растительные сообщества или насаждения».

В Красной книге Российской Федерации, согласно утвержденному Минприроды России Порядку ее ведения (п. 1.2)², под объектами животного и растительного мира также однозначно понимаются дикие животные и дикорастущие растения.

В то же время законодательство субъектов Российской Федерации зачастую по-иному подходит к пониманию термина растительного мира.

Экологический кодекс Республики Татарстан от 15 января 2009 г. определяет растительный мир как «совокупность всех видов высших сосудистых растений, мхов, лишайников, водорослей и грибов, как дикорастущих, так и культивируемых, произрастающих на территории Республики Татарстан во всем их биологическом разнообразии и во взаимодействии с другими компонентами природной среды» (ст. 2).

Аналогичное определение содержит закон Республики Крым «О растительном мире»³ (ст. 3), при этом объект растительного мира понимается как любой составляющий растительный мир организм.

Представляется, что можно было бы принять трактовку понятия «растительный мир» в качестве совокупности дикорастущих растений, при этом обозначая каждое из таких растений в качестве объекта растительного мира; в этом случае все иные растения вместе с объектами растительного мира можно было бы рассматривать как «растительность». Преимуществом такого подхода является аналогия с понятиями, принятыми в правовом регулировании использования и охраны другой части живой природы, – животного мира.

Выработка единого подхода к терминологии, связанной с правовым регулированием отношений по поводу растительности, потребует его закрепления на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в действующие федеральные нормативные правовые акты.

Однако на сегодняшний день, как уже отмечалось, существует неопределенность в вопросе о том, как соотносятся понятия «объект растительного мира» и «растение». Первого понятия федеральное законодательство не содержит, второе определяется в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» (ст. 2), разработчики которого, по-видимому, не ставили целью дать исчерпывающую дефиницию термина и фактически всего лишь указали, что в данном Законе растениями называются и сами растения, и их части, в т. ч. семена и генетический материал.

При этом в законодательстве встречается целый ряд видов или, скорее всего, групп (поскольку вид – это все-таки единица биологической систематики живых организмов, в т. ч. растений [2]) растений, отношения по поводу которых регулируются специальными правовыми нормами. Наличие таких норм связано с тем, что в отношении каждой из этих групп растений имеется особая заинтересованность общества в установлении каких-либо правил в области обращения с ними. Такая заинтересо-

seems to refer to both ‘fauna’ and ‘flora’; therefore, it is fair to assume that flora can be both wild and cultivated. In this case, the correlation between the term ‘flora’ and the concept ‘plant life’ remains unclear.

There are more clear formulations of the concepts under consideration in subsidiary legislation of the Russian Federation.

For example, the definition of plant life is given in GOST R 57007-2016 ‘The best available technologies. Biological diversity. Terms and definitions’¹, which recognizes plant life as ‘the totality of wild-growing plants, populations formed by them, plant communities and plantations’. A plant life object, according to this GOST, is ‘an organism of plant origin (wild plant)’, while wild plants are defined as ‘plants that are in their natural growing environment and are capable of forming populations, plant communities or plantations’.

In the Red Book of the Russian Federation, in accordance with the Procedure for its maintenance approved by the Ministry of Natural Resources of Russia (paragraph 1.2)², animal and plant life objects are also unambiguously understood as wild animals and wild plants.

At the same time, the legislation of the constituent entities of the Russian Federation often approaches the term ‘plant life’ in a different way.

The Ecological Code of the Republic of Tatarstan of January 15, 2009, defines in its Article 2 plant life as ‘the totality of all species of higher vascular plants, mosses, lichens, algae and mushrooms, both wild and cultivated, growing on the territory of the Republic of Tatarstan in all their biological diversity and in interaction with other components of the natural environment’.

A similar definition is contained in the Law of the Republic of Crimea ‘On Plant Life’³ (Article 3), with a plant life object understood here as any organism constituting plant life.

It seems possible to accept the interpretation of the concept ‘plant life’ as a set of wild-growing plants, while designating each of such plants as a plant life object; in this case, all other plants – together with plant life objects – could be considered ‘vegetation’. The advantage of this approach is the analogy with the concepts adopted in the legal regulation of the use and protection of another part of wildlife – animal life.

The development of a unified approach to the terminology associated with the legal regulation of relations regarding vegetation requires its legal enshrinement by introducing amendments and additions to the existing federal regulatory legal acts.

However, today, as it was already noted, there is uncertainty in the question of how the concepts ‘plant life object’ and ‘plant’ relate. Federal legislation does not contain the former concept, while the latter is defined by the Federal Law No. 206-FZ of July 21, 2014 ‘On Plant Quarantine’ (Article 2). It appears that the developers of the law did not intend to define the term exhaustively, they only indicated that in this law the word ‘plants’ refers both to plants themselves and their parts, including seeds and genetic material.

At the same time, the legislation mentions a whole range of species, or rather groups (since a species is still a unit of biological classification of living organisms, including plants [2]), of plants. Relations concerning these are regulated by special legal norms. The existence of such norms is due to the fact that for each of these groups of plants there is a special interest of society in establishing some rules for handling them. Such interest is

¹ Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 июля 2016 г. № 810-ст.

² Об утверждении порядка ведения Красной книги Российской Федерации: приказ Минприроды России от 23 мая 2016 г. № 306 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О растительном мире: закон Республики Крым от 25 дек. 2014 г. № 50-ЗПК/2014. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/10850>.

¹ Approved and put into effect by the Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology No. 810-st of July 5, 2016.

² Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation No. 306 ‘On Approval of the Procedure for Maintaining the Red Book of the Russian Federation’ of May 23, 2016. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

³ Law of the Republic of Crimea No. 50-ZRK/2014 ‘On Plant Life’ of December 25, 2014. Available at: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/10850>.

ванность обусловлена потребностью использования данных растений в производстве продукции, либо, наоборот, их опасностью для человека, либо необходимостью их особой охраны.

К первой из указанных групп относятся, прежде всего, сельскохозяйственные и лесные растения: их объединяет то, что деятельность по их выращиванию осуществляется в широком масштабе и входит в сферы таких отраслей экономики, как сельское хозяйство и лесное хозяйство. При этом, поскольку большое значение имеет сохранение свойств выведенных селекционерами сортов сельскохозяйственных и лесных растений, процессы производства, заготовки, обработки, хранения, реализации, транспортировки и использования семян этих двух видов растений, определения сортовых и посевных качеств таких семян регулируются специальным законодательством о семеноводстве. Причем понятия и сельскохозяйственных растений, и лесных растений определены именно в Федеральном законе от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ «О семеноводстве» (ст. 1).

Лесной кодекс, понятия лесных растений не раскрывает: названы лесные плодовые, ягодные, декоративные растения, лекарственные растения и, наряду с ними, «просто» лесные растения (и их посадочный материал). Судя по тому, что выращивание «просто» лесных растений и остальных, перечисленных выше, лесных растений, а также лекарственных растений представляет собой согласно статье 25 Кодекса, разные виды использования лесов, эти остальные растения не входят в число «просто» лесных растений.

В аграрном законодательстве наряду с термином «сельскохозяйственное растение», используемым в основном применительно к семеноводству, применяется также понятие «сельскохозяйственная культура»¹, которое в данном случае, как представляется, можно считать синонимом сельскохозяйственного растения, которое всегда является «культурным», т. е. культивируемым.

¹ См., например: *О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»*: Федер. закон от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По поводу возделывания отдельных сельскохозяйственных культур существует специальное правовое регулирование, в частности в отношении винограда – в силу общественно-экономической заинтересованности в развитии и поддержании производства высококачественных отечественных вин. Согласно Федеральному закону от 27 декабря 2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации», на виноградные насаждения составляется специальный паспорт, а сведения о них (данные о происхождении посадочного материала, о сортовом составе, о фитосанитарном состоянии виноградных насаждений) вносятся в федеральный реестр виноградных насаждений. Определение в этом федеральном законе виноградных насаждений как «искусственных (культурных) насаждений растений рода *Vitis*...» стало единственным на сегодняшний день определением, связанным с термином «насаждение» (п. 15 ст. 3). Известно, что круг растений, входящих в понятия «лесные насаждения», «древесно-кустарниковые насаждения», «зеленые насаждения», не очерчен достаточно четко; очевидным является, пожалуй, только то, что во всех случаях речь идет о культивируемых растениях, посаженных человеком.

Интересен названный Закон и тем, что впервые в российском законодательстве земельный участок с расположенными на нем растениями рассматривается как одна сложная вещь (п. 13 ст. 3, понятие «виноградник»).

Другие растения указаны в законодательстве в связи с тем, что их культивирование в нормативном порядке ограничивается, например наркосодержащие растения. Разрешается культивирование только определенных, установленных Правительством Российской Федерации, сортов таких растений и только в предусмотренных законом целях, в большинстве случаев – по лицензии².

Аграрным законодательством выделяется категория сорные растений – т. е. таких дикорастущих растений, которые произрастают на сельскохозяйственных угодьях, в результате чего снижается объем и качество производимой растениеводческой продукции. Особо злокаче-

² *О наркотических средствах и психотропных веществах*: Федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

associated with the use of these plants for the production of goods or, on the contrary, with their danger to humans, or with the need for their special protection.

The first of the named groups includes agricultural and forest plants. They are united by the fact that their cultivation is carried out on a large scale and is performed within such sectors of the economy as agriculture and forestry, respectively. At the same time, of great importance is preservation of the properties of agricultural and forest plants. For this reason, the processes of production, procurement, processing, storage, sale, transportation and using of seeds of these two types of plants, as well as the evaluation of varietal and sowing qualities of these seeds, are regulated by special legislation on seed production. The concepts of both agricultural plants and forest plants are defined precisely by the Federal Law No. 149-FZ of December 17, 1997 'On Seed Production' (Article 1).

Meanwhile, the Forest Code does not provide a clear exhaustive definition of the concept of forest plants. We find in this Code such wordings as forest fruit plants, berry plants, ornamental plants, medicinal plants and, along with those, 'merely' forest plants (and their planting material). Judging by the fact that, according to Article 25 of the Forest Code, the cultivation of 'merely' forest plants and the other forest plants listed above represents different types of forest use, these other plants are not included in the number of 'merely' forest plants.

In agricultural legislation, along with the term 'agricultural plant' (mainly used in relation to seed production), the concept 'agricultural crop'¹ is used, which in this case can be considered a synonym for an agricultural plant, which is always cultivated.

¹ See, for example, Federal Law No. 260-FZ 'On State Support in the Field of Agricultural Insurance and on Introducing Amendments to the Federal Law 'On the Development of Agriculture' of July 25, 2011. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

With regard to the cultivation of certain agricultural crops, there exists special legal regulation. For example, due to the socio-economic interest in the development and maintenance of the production of high-quality domestic wines, there is special regulation related to grapes. According to the Federal Law No. 468-FZ of December 27, 2019 'On Viticulture and Winemaking in the Russian Federation', a special passport is drawn up for grape plantations, and information about them (such as data on the origin of planting material, on the varietal composition, on the phytosanitary condition of grape plantations) is put in the federal register of vineyards. The definition of vine plantations as 'artificial (cultivated) plantings of plants of the *Vitis* genus...' is the only currently available definition associated with the term 'planting' (Clause 15 of Article 3 of the law). As is known, the range of plants included in the concepts 'forest plantations', 'tree and shrubbery plantations', 'green plantations' is not clearly specified; the only thing being clear is that in all the cases we are talking about cultivated plants planted by man.

The named federal law is also interesting since it is the first time when Russian legislation treats a land plot with plants located on it as a single complex item (Clause 13 of Article 3, the concept 'vineyard').

Other plants are mentioned in the legislation due to the fact that their cultivation is subject to regulatory restrictions. For example, these are narcotic plants. It is allowed to cultivate only certain varieties of such plants established by the Government of the Russian Federation, and only for the purposes prescribed by law, in most cases – under a license².

Agricultural legislation distinguishes such a category as weeds – wild plants that grow on agricultural land as a result of which the volume and quality of the crop production is reduced. Particularly harmful types of weeds are recognized

² Federal Law No. 3-FZ 'On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances' of January 8, 1998. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

ственные виды сорняков признаются карантинными объектами, борьба с ними ведется в порядке, закрепленном Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений», более широкий перечень сорных растений используется для установления признаков неиспользования земельных участков сельскохозяйственного профиля по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации¹.

Вышеперечисленные виды растений указываются в законодательстве исходя из их роли в хозяйственной и иной деятельности человека. Но есть растения, в отношении которых устанавливается специальное регулирование в связи с необходимостью их особой охраны.

Это, прежде всего, редкие и находящиеся под угрозой исчезновения растения, общие принципы охраны которых установлены Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (ст. 60 и др.) на основе положений упоминавшейся выше Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Такие растения, занесенные в Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов Российской Федерации, подлежат особой охране и изъятию из хозяйственного использования; установлен специальный порядок вывоза данных растений с таможенной территории Евразийского экономического союза и ввоза на нее².

Лесной кодекс Российской Федерации упоминает также реликтовые и эндемичные растения в связи с тем, что участки лесов, на которых такие растения произрастают, отнесены к особо защитным участкам лесов (п. 5 ч. 2 ст. 119). Судя по установленным подзаконными нормативными актами признакам, согласно ко-

торым должно осуществляться выделение особо защитных участков лесов, к таким реликтовым и эндемичным растениям могут отнесены только те растения, которые занесены в Международную Красную книгу, Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов Российской Федерации³. Другой подход имеет место в Федеральном законе от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал», где под эндемичными видами водных растений понимаются виды водных растений, распространенных только в озере Байкал (ст. 8), а их перечень, так же как и разрешенные сроки сбора, устанавливаются Минсельхозом России по согласованию с Минприроды России⁴.

Несмотря на то что отношения по поводу охраны и использования отдельных групп растений регулируются различными нормативными правовыми актами разных отраслей законодательства, есть, по крайней мере, одна отрасль законодательства, относимая в настоящее время к законодательству аграрному (так как изначально возникла и сформировалась применительно к сельскохозяйственным растениям), которая, тем не менее, имеет отношение ко всем без исключения растениям – это законодательство о защите растений.

Защита растений представляет собой систему мероприятий «по борьбе с организмами, наносящими урон посевам и посадкам в открытом или защищенном грунте, окультуренным угодьям и естественной растительности...»⁵, с которой тесно связано понятие карантина растений. Согласно упоминавшемуся выше Федеральному закону «О карантине растений», это правовой режим, предусматривающий систему мер по охране растений и продукции растительного происхождения на территории Российской Федерации от карантинных объектов (т. е. вредных организмов – растений, животных либо болезнетворных организмов, которые способны нанести вред растениям или продук-

as quarantine objects, they are managed under the procedure established by Federal Law No. 206-FZ of July 21, 2014 ‘On Plant Quarantine’. A wider list of weeds is used to establish signs of non-use of agricultural land plots for their intended purpose or use with violation of the legislation of the Russian Federation¹.

The above plant species are mentioned in the legislation due to their role in economic and other human activities. However, there are plants for which the special regulation is established due to the need for their special protection.

These are, first of all, rare and endangered plants, which are under threat of extinction. General principles of their protection are established by the Federal Law ‘On Environmental Protection’ (Article 60 and others) based on the provisions of the above-mentioned Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. Such plants are included in the Red Data Book of the Russian Federation and the Red Data Books of the constituent entities of the Russian Federation and are subject to special protection and withdrawal from economic use; a special procedure is established for the export and import of these plants from the customs territory of the Eurasian Economic Union².

The Forest Code of the Russian Federation also mentions relict and endemic plants in connection with the fact that forest areas where such plants grow are classified as especially protective forest areas (Clause 5 of Part 2 of Article 119). As we can judge from the signs based on which delimitation of such areas is to be performed (these signs being established by the subordinate legisla-

tion), only plants listed in the International Red Book, the Red Book of the Russian Federation and the Red Books of the constituent entities of the Russian Federation can be classified as relict and endemic plants³. Federal Law No. 94-FZ of January 1, 1999 ‘On the Protection of Lake Baikal’ demonstrates another approach: endemic species of aquatic plants are understood as species of aquatic plants that are common only in Lake Baikal (Article 8). The list of such species and the permitted periods for collecting them are established by the Ministry of Agriculture of Russia in agreement with the Ministry of Natural Resources of Russia⁴.

Although relations regarding the protection and use of certain groups of plants are regulated by various regulatory legal acts of different branches of legislation, there is at least one area of legislation, currently referred to agricultural legislation (since it was originally developed to cover agricultural plants), which, nevertheless, applies to all plants without exception – plant protection legislation.

Plant protection is a system of measures aimed at ‘dealing with organisms that cause damage to crops and plantings in open or protected ground, cultivated land and natural vegetation...’⁵, with the concept of plant quarantine being closely related to such protection. According to the above-mentioned Federal Law ‘On Plant Quarantine’, this is a legal regime that provides a system of measures to protect plants and products of plant origin on the territory of the Russian Federation from quarantine objects (i.e. harmful organisms: plants, animals or pathogens that can harm plants or

¹ См.: *О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации*: постановление Правительства РФ от 18 сент. 2020 г. № 1482 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² См., например: *Положение о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и дикорастущих растений, включенных в красные книги государств – членов Евразийского экономического союза* (приложение № 6 к решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Об утверждении Лесоустроительной инструкции*: приказ Минприроды России от 29 марта 2018 г. № 122 (подп. 14 п. 23). URL: <http://docs.cntd.ru/document/542621790>.

⁴ *Об особенностях охраны, вылова (добычи) эндемичных видов водных животных и сбора эндемичных видов водных растений озера Байкал*: постановление Правительства РФ от 28 янв. 2002 г. № 67 // Российская газета. 2002. 6 февр.

⁵ ГОСТ 21507-2013. Межгосударственный стандарт. Защита растений. Термины и определения. (Введен в действие приказом Росстандарта от 27.05.2014 № 454-ст). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200111134>.

¹ On signs of agricultural lands not being used according to the intended purpose or being used with violation of the legislation of the Russian Federation: Degree of the Government of the Russian Federation No. 1482 of September 18, 2020. Access from the legal reference system ‘Garant’.

² See, for example, the Regulation on the export from the customs territory of the Eurasian Economic Union of rare and endangered species of wild live animals and wild plants included in the red books of the member states of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 6 to the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 30 of April 21, 2015). Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

³ Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation No. 122 ‘On Approval of the Forest Inventory Management Instruction’ (subparagraph 14 of Paragraph 23) of March 29, 2018. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/542621790>

⁴ Decree of the Government of the Russian Federation No. 67 ‘On the Peculiarities of Protection, Catching of Endemic Aquatic Animals and Collection of Endemic Aquatic Plants of Lake Baikal’ of January 28, 2002.

⁵ GOST 21507-2013. Interstate Standard. Plant Protection. Terms and Definitions. Entered into force by Order of Rosstandart No. 454-st of May 27, 2014. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200111134>.

ции растительного происхождения, отсутствуют или ограниченно распространены на территории Российской Федерации и внесены в единый перечень карантинных объектов).

Представляется, что сегодня можно говорить о ряде вопросов в отношении самых разных видов растений, как дикорастущих, так и культивируемых, которые нуждаются в правовом регулировании. Это, в частности, вопросы:

– сохранения, изучения и рационального использования генетических ресурсов растений на территории Российской Федерации с учетом положений международной Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г.;

– безопасного проведения селекционных испытаний сортов растений с заданными свойствами, а также обращения с растениями, относящимися к живым измененным организмам (в т. ч. в целях предотвращения спонтанного опыления дикорастущей растительности, которое может вызвать серьезные изменения в генетике такой растительности);

– установления допустимых случаев интродукции, т. е. пересадки отдельных видов растений в местности, где они раньше не росли, и обеспечения акклиматизации таких растений.

Представляется, что можно прогнозировать постепенное формирование законодательства о растительности (флористического законодательства), причем варианты закрепления соответствующих норм в федеральных законах могут быть разными. Собственно, сложность состоит, по большей части, в том, чтобы найти оптимальное соотношение законодательства о растительности с лесным законодательством. Проведенное нами исследование законодательства тех зарубежных стран, где есть специальные законы о растительном мире, показало, что вопрос о разграничении предмета регулирования такого закона с Лесным кодексом решается по-разному: в некоторых государствах закон о растительном мире не содержит норм, регулирующих отношения по поводу лесов, в других такого рода закон включает ряд положений, распространяющихся в равной степени и на лесные отношения [7, с. 108–117].

Следует отметить, что наличие специального закона о растительном мире, наряду с Лесным кодексом, характерно для подавляющего большинства стран постсоветского пространства, что, возможно, объясняется схожей

системой законодательства, сама логика построения которого требует «закрывать» неизбежно возникающий пробел в регулировании общественных отношений, не покрываемых лесным законодательством.

Показательно, что в Республике Казахстан – одном из тех государств, где, наряду с Российской Федерацией, пока отсутствует специальное законодательство о растительности, подготовлен законопроект «О растительном мире». Одним из аргументов в пользу его принятия, по сообщению пресс-службы Министерства экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан, является то, что вне земель государственного лесного фонда и особо охраняемых природных территорий (которые вместе составляют всего лишь 11 % территории республики) вопросы по обращению с объектами растительного мира законодательством не урегулированы¹.

В принципе, для нашей страны возможен также вариант, когда отношения по поводу охраны и использования растительности будут включены в Лесной кодекс: представляется, что в данном случае отрицательным моментом станут громоздкая структура и большой объем данного законодательного акта. И, конечно, в этом случае необходим будет частичный пересмотр ряда общих положений Кодекса, включая принципы законодательства, а также дополнение его рядом новых понятий: «растение», «группы деревьев», «популяции», «зеленые насаждения», «древесно-кустарниковая растительность».

Еще одним направлением реформирования законодательства может стать принятие в Российской Федерации Экологического кодекса, идея создания которого обсуждается научным сообществом на протяжении долгого времени [21, pp. 101–111; 22, S. 190–192]

Проблема правового регулирования охраны зеленых насаждений в городах

В России законодательство о городской растительности (о зеленых насаждениях в городах) развивается, в основном, на уровне субъектов Российской Федерации, причем формируется оно часто не как природоохрани-

¹ *Kazakhstan Today* от 07.10.2020. URL: https://www.kt.kz/rus/politics/v_minekologii_prezentovali_zakonoproekt_o_rastitelnom_1377905865.html.

products of plant origin, absent or limitedly distributed on the territory of the Russian Federation and included in the single list of quarantine objects).

Today there is a range of issues related to a variety of plant species, both wild and cultivated, that need legal regulation. In particular, these are issues of:

– conservation, study and rational use of plant genetic resources on the territory of the Russian Federation taking into account the provisions of the international Convention on Biological Diversity of June 5, 1992;

– selection tests of plant varieties with specified properties conducted in a safe manner; treatment of plants referring to living modified organisms (including in order to prevent spontaneous pollination of wild vegetation, which can cause serious changes in the genetics of such vegetation);

– establishing permissible cases of introduction, which is transplantation of certain plant species in an area where they have not grown before, and ensuring the acclimatization of such plants.

It seems possible to predict the course of gradual formation of legislation on vegetation (floristic legislation); there are possible some alternative ways of the relevant norms being enshrined in federal laws. The difficulty lies, for the most part, in finding the optimal balance between vegetation legislation and forest legislation. Our research into the legislation of those foreign countries that have special laws on plant life shows that there are different approaches to differentiating the subject of regulation of such a law and that of the forest code: in some states, the law on plant life does not contain norms regulating relations regarding forests, in others the law includes a number of provisions that equally apply to forest relations [7, pp. 108–117].

It should be noted that the existence of a special law on plant life, along with the Forest Code, is characteristic of the vast majority of post-Soviet countries. It may be explained by a similar system of legislation, the very logic of which re-

quires ‘filling’ the inevitable gap in the regulation of social relationship not covered by forestry legislation.

It is indicative that in the Republic of Kazakhstan – one of those states where, along with the Russian Federation, there is still no special legislation on vegetation – a draft law ‘On Plant Life’ has been prepared. One of the arguments in favor of its adoption, according to the press service of the Ministry of Ecology, Geology and Natural Resources of the Republic of Kazakhstan, is that outside the lands of the state forest fund and specially protected natural areas (which together constitute only 11% of the territory of the republic) handling of plant life objects is not regulated by legislation¹.

An alternative possible for our country is addition of the relations regarding the protection and use of vegetation to the scope of issues covered by the Forest Code. However, such extension of the code will result in its cumbersome structure and large volume, which may be regarded as a disadvantage of this solution. Furthermore, in this case, it will be necessary to revise some general provisions of the code, including the principles of legislation, as well as to add a number of new concepts, such as ‘plant’, ‘tree groups’, ‘populations’, ‘green spaces’, ‘tree and shrubbery vegetation’.

Another area of legislative reform in the Russian Federation may be the adoption of the Environmental Code. This idea has been discussed by scientific community for a long time [21, pp. 101–111; 22, pp. 190–192]

The Problem of Legal Regulation of the Protection of Green Spaces in Cities

Russian legislation on urban vegetation (on green spaces in cities) is developing mainly at the level of the constituent entities of the Russian Federation. Noteworthy is that it is often formed not as

¹ *Kazakhstan Today* of October 7, 2020. Available at: https://www.kt.kz/rus/politics/v_minekologii_prezentovali_zakonoproekt_o_rastitelnom_1377905865.html.

тельное, а скорее как административное или градостроительное. Основные нормы предусматривают правовое регулирование формирования архитектурного облика городов и сосредоточены в законах и иных нормативных правовых актах по вопросам градостроительства и благоустройства.

Следует заметить, что в режиме принятия нового Лесного кодекса Российской Федерации во многих субъектах Российской Федерации действовали законы, регулировавшие правовой статус лесов и другой растительности на землях городов. Вступление в силу с 1 января 2007 года Лесного кодекса Российской Федерации, во многом изменившего подходы к понятию леса, в частности обозначившего лесные участки как вид земельных участков, что связало, соответственно, право собственности на леса с правом собственности на земли, на которых они расположены, повлекло за собой отмену некоторыми субъектами Российской Федерации ранее существовавших законов о городской растительности. При этом новые законы субъектов Российской Федерации, регулирующие вопросы охраны и использования городской растительности, так и не были приняты, в связи с чем к настоящему времени только в ряде из них имеются специальные законы об охране зеленых насаждений в населенных пунктах¹. Одним из первых нормативных правовых актов на данную тему стал закон г. Москвы от 5 мая 1999 г. № 17 «О защите зеленых насаждений», достаточно детальным регулированием отличается зако-

нодательство Санкт-Петербурга² и Краснодарского края³.

Региональное законодательство о зеленых насаждениях направлено, в основном, на установление запретов на уничтожение и повреждение таких насаждений, закрепление обязанностей граждан и юридических лиц по содержанию зеленых насаждений, установление перечня допустимых случаев, а также правил вырубки зеленых насаждений, регламентацию порядка осуществления компенсационного озеленения в случаях уничтожения зеленых насаждений.

Необходимо отметить, что во многих зарубежных государствах наблюдается схожая ситуация с регламентацией мер защиты зеленых насаждений. Так, в Австрии подобные меры называются «защитой деревьев», хотя на уровне федерального законодательства данный термин не встречается. Защита деревьев подпадает под действие общих норм параграфа 3 Федерального конституционного закона об устойчивом развитии, благополучии животных, комплексной защите окружающей среды, обеспечении качества воды и продуктов питания и исследованиях 2013 года⁴, провозглашающего необходимость комплексной охраны окружающей среды, в состав которой входят и деревья. За пределами застроенной территории (например, в лесах) защита деревьев в первую очередь гарантируется федеральным Законом о лесе (Forstgesetz 1975)⁵.

Кроме того, охрана деревьев обеспечивается соответствующими законами об охране природы федеральных земель. Защита деревьев в рамках природоохранного законодательства осуществляется, прежде всего, путем объявления деревьев памятниками природы. В отношении деревьев, объявленных памятниками природы, законом предусмотрены особые правила

environmental but rather administrative or urban planning legislation. The main norms cover legal regulation of the architectural appearance of cities and its formation. These norms are concentrated in laws and other regulatory legal acts on issues of urban planning and beautification.

It should be noted that before the new Forest Code of the Russian Federation was adopted, in many constituent entities of the Russian Federation there were laws regulating the legal status of forests and other vegetation on the lands of cities. The entry into force on January 1, 2007 of the Forest Code of the Russian Federation changed the approaches to the concept of forest. The Code defined forest plots as a type of land plots, which linked the ownership of forests with the ownership of lands on which they were located. This entailed cancellation of previously existing laws on urban vegetation in some constituent entities of the Russian Federation, while new local laws which would regulate the protection and use of urban vegetation have not been adopted. As a result, today only a number of the constituent entities have special laws on the protection of green spaces in settlements¹. One of the first regulatory legal acts on this issue was the Law of the city of Moscow No. 17 of May 5, 1999 ‘On the Protection of Green Spaces’;

a fairly detailed regulation is provided in the legislation of St. Petersburg² and the Krasnodar Krai³.

Regional legislation on green spaces is mainly aimed at establishing prohibitions on the destruction and damage of such spaces, securing the obligations of citizens and legal entities to maintain them, establishing a list of permissible cases and rules of cutting down green spaces, regulating the procedure for implementing compensatory gardening in cases of green spaces being destroyed.

In many foreign countries there is a similar situation with the regulation of measures to protect green spaces. For example, in Austria such measures are called ‘tree protection’, although this term is not found at the level of federal legislation. The protection of trees falls within the ambit of general provisions of paragraph 3 of the Federal Constitutional Law on Sustainable Development, Animal Welfare, Comprehensive Environmental Protection, Water and Food Quality and Research 2013⁴, proclaiming the need for integrated protection of the environment, which includes trees. Outside of built-up areas (e.g. in forests), tree protection is primarily guaranteed by the federal Forest Act (Forstgesetz 1975)⁵.

In addition, the protection of trees is ensured by the relevant nature protection laws of the federal states. Protection of trees under environmental legislation is carried out, first of all, through declaring trees as natural monuments. For trees declared to be natural monuments, the law provides special rules of care and maintenance.

¹ Например: *Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Республики Бурятия*: закон Респ. Бурятия от 5 мая 2011 г. № 1997-IV; *Об охране зеленых насаждений*: закон Респ. Дагестан от 8 июня 2010 г. № 28; *Об охране зеленых насаждений на территории Республики Ингушетия*: закон Респ. Ингушетия от 27 февр. 2010 г. № 11-РЗ; *Об охране зеленых насаждений городских и сельских поселений Алтайского края*: закон Алтайского края от 8 сент. 2003 г. № 41-ЗС; *О защите зеленых насаждений*: закон Брянской обл. от 9 апр. 2008 г. № 26-З; *О защите зеленых насаждений в населенных пунктах Волгоградской области*: закон Волгогр. обл. от 7 дек. 2001 г. № 640-ОД; *Об охране зеленых насаждений*: закон Калинингр. обл. от 21 дек. 2006 г. № 100; *О зеленых насаждениях населенных пунктов Костромской обл.*: закон Костром. области от 5 окт. 2007 г. № 194-4-ЗКО; *Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Ростовской области*: обл. закон Ростов. обл. от 3 авг. 2007 г. № 747-ЗС; *Об охране зеленого фонда городских и сельских поселений Республики Северная Осетия-Алания*: закон Респ. Северная Осетия-Алания от 10 февр. 2003 г. № 8-РЗ.

² *О зеленых насаждениях в Санкт-Петербурге*: закон г. Санкт-Петербурга от 28 июня 2010 г. № 396-88 и *О зеленых насаждениях общего пользования*: закон г. Санкт-Петербурга от 8 окт. 2007 г. № 430-85. URL: <https://peterburg-pravo.ru/zakon/>.

³ *Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае*: закон Краснодарского края от 23 апр. 2013 г. № 2695-КЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20008504>.

⁵ URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10010371>.

¹ For example, the Law of the Republic of Buryatia No. 1997-IV ‘On the Protection of Green Spaces in the Settlements of the Republic of Buryatia’ of May 5, 2011, the Law of the Republic of Dagestan No. 28 ‘On the Protection of Green Spaces’ of June 8, 2010, the Law of the Republic of Ingushetia No.11-RZ ‘On the Protection of Green Spaces on the Territory of the Republic of Ingushetia’ of February 27, 2010, the Law of Altai Krai No. 41-ZS ‘On the Protection of Green Spaces in Urban and Rural Settlements of Altai Krai’ of September 8, 2003, the Law of the Bryansk Region No. 26-Z ‘On Protection of Green Spaces’ of April 9, 2008, the Law of the Volgograd Region No. 640-OD ‘On the Protection of Green Spaces in the Settlements of the Volgograd Region’ of December 7, 2001, the Law of the Kaliningrad Region No.100 ‘On the Protection of Green Spaces’ of December 21, 2006, the Law of the Kostroma Region No.194-4-ZKO ‘On Green Spaces in Settlements of the Kostroma Region’ of October 5, 2007, Regional Law of the Rostov Region No.747-ZS ‘On the Protection of Green Spaces in Settlements of the Rostov Region’ of August 3, 2007, the Law of the Republic of North Ossetia-Alania No. 8-RZ ‘On the Protection of the Green Fund of Urban and Rural Settlements of the Republic of North Ossetia-Alania’ of February 10, 2003 .

² Laws of St. Petersburg No. 396-88 ‘On Green Spaces in Saint Petersburg’ of June 28, 2010 and No. 430-85 ‘On Public Green Spaces’ of October 8, 2007. Available at <https://peterburg-pravo.ru/zakon/>.

³ Law of the Krasnodar Region No. 2695-KZ ‘On Protection of Green Spaces in the Krasnodar Region’ of April 23, 2013. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁴ Available at: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20008504>

⁵ Available at: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10010371>.

ухода. Например, памятники природы не могут быть изменены или повреждены без разрешения с соблюдением специальных требований законодательства.

Чтобы предотвратить необратимое повреждение деревьев из-за изменения почвы при проведении строительных мероприятий, законы о пространственном планировании и строительные нормы и правила отдельных федеральных земель содержат особые положения в отношении защиты деревьев. В этом отношении опережающую роль играет Федеральная земля Зальцбург. Например, параграф 61 Закона Зальцбурга о региональном планировании (Sbg ROG)¹ содержит обязанность по содержанию деревьев, кустов или зеленых насаждений, а также обязательство сажать деревья и кусты.

В таких федеральных землях, как Форарльберг и Каринтия, защита деревьев прямо гарантируется на уровне градостроительного законодательства.

В Австрии существуют лишь несколько региональных законов или постановлений, полностью посвященных защите деревьев. Так, Закон Федеральной земли Вена об охране деревьев² в целях сохранения здоровой окружающей среды для населения Вены определяет, что деревья охраняются в соответствии с положениями этого закона, независимо от того, находятся ли они на государственной или на частной земле. Популяция охраняемых деревьев, в понимании этого закона, включает все деревья, лиственные и хвойные, с окружностью ствола не менее 40 см, измеренной на высоте 1 м от начала корневой ветви, включая их надземную и подземную части.

Однако этот Закон не распространяется на: 1) леса в том смысле, который придается этому термину лесным законодательством; 2) деревья, которые произрастают в древесных питомниках или садовых центрах для достижения деловых целей; 3) фруктовые деревья; 4) деревья, вывозимые на основании приказов органов управления водными ресурсами для

содержания водоемов и поймы, для защиты систем водоснабжения и в ходе утвержденных гидротехнических проектов; 5) деревья, рубка которых необходима для целей сельскохозяйственного производства; 6) деревья, растущие на дачных участках.

В ботанике под деревом понимается жизненная форма деревянистых растений с единственной, отчетливо выраженной, многолетней, в разной степени одревесневшей, сохраняющейся в течение всей жизни, разветвленной (кроме пальм) главной осью – стволом [10, с. 87–98].

При этом попытка легального определения термина «дерево», основанного на ботаническом его понимании [24, S. 4], предпринята, например, в проекте Закона о защите деревьев Федеральной земли Верхняя Австрия (разд. 1 (2): «Дерево – это многолетнее растение, которое укореняется в верхнем слое почвы и имеет четко узнаваемый вертикальный древесный ствол, который поднимается от корня и на котором есть надземные ветви, которые, в свою очередь, образуют ветки. Ветви каждый год удлиняются за счет прорастания концевых бутонов, одревесневают и постоянно увеличиваются в толщине и окружности. Дерево отличается от куста тем, что на стволе на определенной высоте образуется крона, состоящая из лиственных ветвей» [23, S. 4].

В России используемый в аналогичных целях термин «зеленые насаждения» в федеральном законодательстве не определен; поэтому имеет смысл обратиться к вопросу о том, какого рода растительность признается зелеными насаждениями в субъектах Российской Федерации.

Практически во всех из них упоминаются два вида растительности: древесно-кустарниковая и травянистая растительность (в Санкт-Петербурге названы, через запятую, древесные, кустарниковые, травянистые растения), при этом подчеркивается, что речь идет о растительности как естественного, так и искусственного происхождения.

Представляется рациональным подход Краснодарского края, в законе которого даны определения дерева, кустарника, травяного покрова, цветника, зарослей.

Во многих законах подчеркивается, что речь идет о растительности именно в населенных пунктах. Однако указание на то, что зеле-

For example, natural monuments cannot be modified or damaged without permission in compliance with special legal requirements.

In order to prevent irreversible damage to trees due to soil changes during construction activities, spatial planning laws and building codes of individual federal states contain special provisions for the protection of trees. In this respect, the Federal State of Salzburg plays a leading role. For example, § 61 of the Salzburg Regional Planning Act (Sbg ROG)¹ contains the obligation to maintain trees, bushes or green spaces, as well as the obligation to plant trees and bushes.

In federal states such as Vorarlberg and Carinthia, tree protection is directly guaranteed by town planning legislation.

In Austria, there are only a few regional laws or regulations entirely dedicated to the protection of trees. For example, the Law of the Federal State of Vienna on the Protection of Trees² determines that, in order to preserve a healthy environment for the population of Vienna, trees are protected in accordance with the provisions of this law, regardless of whether they are on public or private land. Under this law the population of protected trees includes all trees, deciduous and coniferous, with a trunk circumference of at least 40 cm, measured at a height of 1 m from the beginning of the root branch, including their aboveground and underground parts.

However, this law does not apply to: 1) forests, in the sense given to this term by forest legislation; 2) trees that grow in tree nurseries or garden centers for business purposes; 3) fruit trees; 4) trees exported on the basis of orders of water resources management bodies for the maintenance of water bodies and floodplains, for the protection of water

supply systems and in the course of approved hydraulic projects; 5) trees the cutting of which is necessary for the purposes of agricultural production; 6) trees growing in countryside allotments.

Botany understands tree as a life form of woody plants with a single main axis (trunk), which is clearly expressed, perennial, ligneous to varying degrees, persisting throughout life, branched (except for palms) [10, pp. 87–98].

An attempt to legally define the term ‘tree’ based on its botanical understanding [24, p. 4] was taken, for example, in the draft Law on the Protection of Trees of the Federal State of Upper Austria (Section 1 (2): ‘A tree is a perennial plant that takes root in the topsoil and has a clearly recognizable upright tree trunk that rises from the root and on which there are aerial branches, which in turn form branches. The branches lengthen every year due to the germination of terminal buds, lignify and constantly increase in thickness and circumference. A tree differs from a bush in that on the trunk, at a certain height, there is formed a crown, consisting of deciduous branches’ [23, p. 4].

In Russia, the term ‘green spaces’ used for similar purposes is not defined in federal legislation. Therefore, it makes sense to turn to the question of what kind of vegetation is recognized as green spaces in the constituent entities of the Russian Federation.

Almost all of them mention two types of vegetation: tree and shrubbery vegetation and herbaceous vegetation (in St. Petersburg legislation, there are named arboreal, shrub, herbaceous plants, separated by commas), while emphasizing that this refers to vegetation of both natural and artificial origin.

A rational approach is applied in the legislation of Krasnodar Krai, where the definitions of tree, shrub, grass cover, flower garden, thickets are provided.

Many laws emphasize that they deal with vegetation in settlements. However, the indication that green spaces are tree and shrubbery and

¹ URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrSbg&Gesetzesnummer=20000615>.

² Wiener Baumschutzgesetz, Fassung vom 08.12.2020. URL: [https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrW&Gesetzesnummer=20000294#:~:text=\(1\)%20Zur%20Erhaltung%20einer%20gesunden,%C3%B6ffentlichem%20oder%20privatem%20Grund%20befindet.](https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrW&Gesetzesnummer=20000294#:~:text=(1)%20Zur%20Erhaltung%20einer%20gesunden,%C3%B6ffentlichem%20oder%20privatem%20Grund%20befindet.)

¹ Available at: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrSbg&Gesetzesnummer=20000615>.

² Wiener Baumschutzgesetz, Fassung vom 08.12.2020. Available at: [https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrW&Gesetzesnummer=20000294#:~:text=\(1\)%20Zur%20Erhaltung%20einer%20gesunden,%C3%B6ffentlichem%20oder%20privatem%20Grund%20befindet.](https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=LrW&Gesetzesnummer=20000294#:~:text=(1)%20Zur%20Erhaltung%20einer%20gesunden,%C3%B6ffentlichem%20oder%20privatem%20Grund%20befindet.)

ные насаждения – это древесно-кустарниковая и травянистая растительность на территории населенного пункта, представляется недостаточным, так как получается, что в одинаковой степени охране подлежат и вековые деревья, и «кочки» травы, выросшие на пустыре, и сорняки на культурном газоне.

С задачей отграничить сорную, вредную, не представляющую ценности растительность от зеленых насаждений, подлежащих охране, региональные законодательные акты справляются по-разному. В некоторых из них (Алтайский край, Волгоградская область) указывается на то, что зеленые насаждения – это растительность, «выполняющая архитектурно-планировочные и санитарно-гигиенические функции», однако такое указание довольно расплывчато: не содержит определения критериев отнесения к растительности, не выполняющей таких функций.

Более удачной, полагаем, является формулировка, принятая в законе г. Москвы и законах ряда других субъектов о том, что зеленые насаждения включают растительность в парках, скверах, садах и т.п., а также отдельно стоящие деревья и кустарники.

Здесь сделана попытка разделить объекты: 1) на которых зеленые насаждения выступают в своей совокупности – в садах, парках, городских лесах и т.п. и, соответственно, подлежат охране как единый комплекс деревьев, кустарников, травянистых растений; 2) которые являются рукотворными и выполняют декоративные и экологические функции в городе – цветники, газоны и т.п.; 3) отдельно стоящие деревья и кустарники. Таким образом, стихийно и обособленно возникшие участки травянистой растительности из перечня объектов, подпадающих под понятие «зеленые насаждения», исключаются.

Особняком занимает место закон Санкт-Петербурга, в котором зеленые насаждения определены как совокупность древесных, кустарниковых, травянистых растений и цветников на определенной территории. Буквальное толкование этой нормы говорит о том, что зелеными насаждениями не признаются отдельно стоящие деревья и кустарники, участки травянистых растений, а только их совокупность на отдельно взятой территории. При этом в Санкт-

Петербурге специальным законом утверждается перечень территорий зеленых насаждений общего пользования, включающий карты (схемы) территорий зеленых насаждений общего пользования с указанием их местоположения и границ.

Как и в Москве, в закон Санкт-Петербурга в состав зеленых насаждений включены все виды растительности, в т.ч. городские леса. Однако в отличие от московского законодательства законодательство Санкт-Петербурга содержит конкретный перечень видов озелененных территорий и нормативы качества зеленых насаждений в соответствии с биологическими показателями состояния окружающей среды и устойчивости природных комплексов. Закон устанавливает и минимальные нормативы обеспеченности населения Санкт-Петербурга территориями зеленых насаждений по районам города.

В соответствии с названным законом все зеленые насаждения на территории города подлежат учету, результаты которого содержатся в паспортах объектов зеленых насаждений. Обобщенные данные учета территорий зеленых насаждений являются общедоступными и ежегодно размещаются Правительством Санкт-Петербурга на официальном сайте Правительства Санкт-Петербурга в сети Интернет.

Кроме того, в Санкт-Петербурге действует специальный закон от 8 октября 2007 г. № 430-85 «О зеленых насаждениях общего пользования», устанавливающий перечень территорий зеленых насаждений общего пользования и границы территорий зеленых насаждений общего пользования.

В других законах, например в законе Еврейской автономной области от 27 июня 2007 г. № 164-ОЗ «О составе и содержании проектов планировки территории в Еврейской автономной области», городские озелененные территории (скверы, бульвары и т.п.) рассматриваются только как часть территорий общего пользования. Аналогично данные вопросы урегулированы, например, в Курской области – закон Курской области от 31 октября 2006 № 76-ЗКО «О градостроительной деятельности в Курской области», в Омской области – закон Омской области от 9 марта 2007 г. № 874-ОЗ «О регу-

herbaceous vegetation in the territory of a settlement seems insufficient since it appears that age-long trees, ‘scraps’ of grass grown on wasteland, and weeds on a cultivated lawn are subject to the same protection.

Regional legislative acts demonstrate different ways of handling the task of distinguishing weedy, harmful, non-valuable vegetation from green spaces subject to protection. Some of them (Altai Krai, Volgograd region) indicate that green spaces are vegetation that ‘performs architectural-planning and sanitary-hygienic functions’. However, such indication should be recognized as rather vague as it does not define any criteria for classifying vegetation that does not fulfill such functions.

Much more appropriate is the wording, used in the Law of Moscow and in laws of some other constituent entities, saying that green spaces include vegetation in parks, squares, gardens, etc., as well as isolated trees and shrubs.

There is an attempt to distinguish the objects: 1) those where green spaces appear in their totality – in gardens, parks, urban forests, etc. – and, accordingly, are subject to protection as a single complex of trees, shrubs, herbaceous plants; 2) those which are man-made and perform decorative and ecological functions in the city – flower beds, lawns, etc.; 3) those which are isolated trees and shrubs. Thus, uncontrolled and isolated areas of herbaceous vegetation are excluded from the list of objects that fall under the term ‘green spaces’.

The Law of St. Petersburg stands somewhat apart. It defines green spaces as a set of trees, shrubs, herbaceous plants and flower beds in a certain area. The literal interpretation of this norm suggests that isolated trees and shrubs, areas of herbaceous plants are not recognized as green spaces unless they are considered in aggregate in a

single territory. A special law of St. Petersburg approves a list of areas of public green spaces, containing maps (schemes) of these spaces, indicating their location and boundaries.

In the same way as in Moscow, in St. Petersburg all types of vegetation of urban forests are considered to be part of green spaces. However, unlike Moscow legislation, the legislation of St. Petersburg contains an itemized list of types of green areas and quality standards for green spaces based on biological indicators of the state of the environment and the sustainability of natural complexes. The law also establishes the minimum standards for the provision of the population of St. Petersburg with green spaces in the districts of the city.

In accordance with the named law, all green spaces in the city are subject to registration, with data contained in the passports of green spaces. The generalized data are publicly available and are annually posted by the Government of St. Petersburg on its official website.

In addition, in St. Petersburg there is a special Law No. 430-85 of October 8, 2007 ‘On Public Green Spaces’, which establishes a list of public green spaces and the boundaries of public green spaces.

In other laws, for example, in the Law of the Jewish Autonomous Region No. 164-OZ of June 27, 2007 ‘On the Composition and Content of Territorial Planning Projects in the Jewish Autonomous Region’, urban green areas (squares, boulevards, etc.) are considered only as part of public areas. Similar position is found, for example, in the Kursk region (Law of the Kursk region No. 76-ZKO of October 31, 2006 ‘On Urban Planning Activities in the Kursk Region’), in the Omsk region (Law of the Omsk region No. 874-OZ of March

лировании градостроительной деятельности в Омской области» и др.

Данная позиция в целом соответствует требованиям Земельного кодекса Российской Федерации, относящего к территориям общего пользования земельные участки, занятые скверами, бульварами и другими объектами. Однако далеко не все озелененные городские территории относятся к территориям общего пользования. Поэтому в данном случае часть территорий, на которых расположена городская растительность, выпадает из сферы правового регулирования.

Представляется, что необходимо исключить из числа охраняемых законом о зеленых насаждениях сельскохозяйственные растения, которые, в частности, выращиваются на приусадебных, дачных, садовых, огородных участках граждан, земельных участков, находящихся в черте города сельскохозяйственных организаций.

Ряд субъектов Российской Федерации исключают из числа городских зеленых насаждений леса и лесные насаждения. Так, в Республиках Бурятия и Ингушетия, а также Брянской области в разряд городских зеленых насаждений входят «отдельно стоящие деревья и кустарники, не отнесенные к лесным насаждениям»; в Алтайском крае и Костромской области – «древесно-кустарниковая и травянистая растительность естественного и искусственного происхождения в населенных пунктах, кроме городских лесов». Очевидно, такие решения обусловлены тем, что для городских лесов предусмотрен особый правовой режим – они признаются, в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации, защитными лесами, и на порядок их использования и охраны распространяются нормы данного Кодекса.

То же можно сказать и в отношении иных находящихся в границах города особо охраняемых природных территорий (ООПТ), на которых расположены зеленые насаждения. На охрану таких зеленых насаждений распространяются правила, установленные для ООПТ. Поэтому, например, в законе Краснодарского края отмечено, что он не распространяется на зеленые насаждения, расположенные в границах ООПТ.

Представляется, что в данном случае, в зависимости от усмотрения субъекта Россий-

ской Федерации, допустимы оба варианта законодательного урегулирования. При включении зеленых насаждений, произрастающих на ООПТ и городских лесов, в круг объектов регулирования законов о защите зеленых насаждений возникает опасность дублирования в этих законах норм лесного законодательства и законодательства о ООПТ; в то же время детализация таких норм применительно именно к зеленым насаждениям, с учетом специфики условий города, в условиях, когда, например, федеральное законодательство о городских лесах отличается крайней скудностью, должна, на наш взгляд, рассматриваться как положительное явление.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что на порядок использования и охраны зеленых насаждений в любом случае самое непосредственное влияние оказывает правовой режим земельных участков и территорий, на которых они расположены. Поэтому представляется, что верно поступают те субъекты Российской Федерации, которые связывают правовой режим зеленых насаждений с установленными территориальными зонами и назначением земельных участков.

При этом в условиях города в любом случае первостепенной задачей является охрана зеленых насаждений именно на землях общего пользования, тем более что земельные участки, занятые площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными объектами, пляжами и другими объектами, составляющими земли общего пользования, согласно статье 85 Земельного кодекса Российской Федерации, не подлежат приватизации. Установление же каких-либо правил в отношении сохранения тех зеленых насаждений, которые расположены на земельных участках, находящихся в частной собственности, представляется проблематичным в силу статьи 261 Гражданского кодекса Российской Федерации, распространившей право собственности на земельный участок на находящиеся в границах этого участка растения (при условии, что иное не установлено законом).

Очевидно, что собственники земельных участков имеют право определять судьбу зеленых насаждений, произрастающих на их участке. Поэтому отдельные субъекты Россий-

09, 2007 'On the Regulation of Urban Planning Activities in the Omsk Region', etc.

This position generally satisfies the requirements of the Land Code of the Russian Federation, which considers land plots occupied by squares, boulevards and other objects to be public areas. However, not all green urban areas are public areas. Therefore, some of the territories where urban vegetation is located falls outside the scope of legal regulation.

It seems necessary to exclude agricultural plants from the list of green spaces protected by the law, including those grown in household plots, countryside allotments, garden plots of citizens, land plots of agricultural organizations located within the city.

A number of constituent entities of the Russian Federation exclude forests and forest plantations from the category of urban green spaces. For example, in the republics of Buryatia and Ingushetia, as well as in the Bryansk region, urban green spaces include 'isolated trees and shrubs that are not classified as forest plantations'; in Altai Krai and the Kostroma region these include 'arboreal, shrub and herbaceous vegetation of natural and artificial origin in settlements, except for urban forests'. Obviously, such solutions are determined by the fact that there is a special legal regime provided for urban forests. According to the Forest Code of the Russian Federation, they are recognized as protective forests, and their use and protections is regulated by this Code.

The same applies to other specially protected natural areas situated within city boundaries and having green spaces located in them. The protection of such green spaces is subject to the rules established for protected areas. Therefore, for example, the Law of the Krasnodar Territory indicates that it does not apply to green spaces located within the boundaries of protected areas.

It seems that in this case both variants of legislative regulation are permissible, depending on the discretion of the constituent entity of the Russian Federation. Inclusion of green spaces growing in protected areas and urban forests in the range of objects regulated by laws on the protection of green spaces may lead to duplication of the norms of forest legislation and legislation on protected areas in these laws. At the same time, specification of such norms in relation to green spaces, taking into account the specifics of urban conditions, should be regarded as a positive phenomenon, especially in a situation when federal legislation on urban forests is extremely scarce.

In this regard, it should be emphasized that the procedure for the use and protection of green spaces is most directly influenced by the legal regime of land plots and territories on which they are located. Therefore, it seems that the reasonable approach is demonstrated by those constituent entities of the Russian Federation that link the legal regime of green spaces with the established territorial zones and the purpose of land plots.

In urban conditions, in any case, the primary task is to protect green plants precisely on public lands, especially since land plots occupied by squares, streets, driveways, highways, embankments, boulevards, water bodies, beaches and other objects being part of common land are not subject to privatization (Article 85 of the Land Code of the Russian Federation). It seems problematic – due to Article 261 of the Civil Code of the Russian Federation – to establish any rules regarding the preservation of those green spaces that are located on privately owned land plots. The article extends the ownership of a land plot to plants located within the boundaries of this plot (upon the condition that otherwise is not established by law). Obviously, the owners of land plots have the right to determine the fate of green plants growing on their land.

ской Федерации (например, Дагестан, Ингушетия, Краснодарский край) вполне справедливо исключают из действия своих законов об охране зеленых насаждений отношения по охране зеленых насаждений на земельных участках, занятых индивидуальной жилой застройкой, на садовых, огородных, дачных и приусадебных земельных участках, а зеленые зоны определяют как участки земель общего пользования, на которых расположены зеленые насаждения. В Краснодарском крае, однако, установлено, что действие регионального закона может в отдельных случаях распространяться на отношения в сфере охраны зеленых насаждений, расположенных на участках, предоставленных гражданам для индивидуального жилищного строительства, и участков, предоставленных садоводческим, огородническим или дачным некоммерческим объединениям граждан, если на них расположены зеленые насаждения, включенные местными администрациями поселений, городских округов в отдельный перечень древесных пород, требующих особой охраны.

В этой связи одной из наиболее оптимальных представляется формулировка закона «О зеленых насаждениях в Санкт-Петербурге» о том, что под его действие не подпадают правоотношения по созданию, содержанию, использованию, учету, охране и восстановлению зеленых насаждений в границах особо охраняемых природных территорий, зеленых насаждений, находящихся на землях сельскохозяйственного использования, зеленых насаждений, расположенных на земельных участках, находящихся в федеральной или частной собственности, а также защитных лесов и лесопарков.

Однако региональное законодательство о защите зеленых насаждений было бы гораздо более эффективным, если бы опиралось на положения федеральных норм об использовании и охране растительности, но такие положения еще только предстоит сформировать.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в действующем законодательстве понятие леса не определено с достаточной четкостью и полнотой; кроме того, негативно сказывается пре-

обладание «земельного» подхода к регулированию лесных отношений, при котором ключевое значение для установления правового режима лесов является правовой режим земель, на которых они расположены. При этом законодатель не рассматривает лес как определенную совокупность деревьев и иной растительности. Уточнение понятия леса, как полагаем, наиболее целесообразно проводить путем установления перечня таких совокупностей деревьев и иной растительности, которые не могут быть отнесены к лесам.

Данный вопрос можно решить и изолированно, однако, по нашему мнению, важно сначала определиться с более общими понятиями – «растительность», «растительный мир», «растение».

Отдельные элементы законодательства о растительном мире, в частности о защите растений от болезней и вредителей, об охране редких и исчезающих растений, о семеноводстве сельскохозяйственных и лесных растений, о защите зеленых насаждений в городах и др., к настоящему времени уже складываются в определенный массив, который в последующем может быть выделен в качестве одного из подразделов природоресурсного законодательства. Представляется несомненным, что это должно найти свое отражение и в законодательном акте федерального уровня – возможно, в специальном, по типу имеющихся в странах ближнего зарубежья и некоторых субъектах Российской Федерации законе о растительном мире, либо в новых дополнительных статьях и разделах одного из действующих законов, например Лесного кодекса Российской Федерации. При этом особое значение, на наш взгляд, имеет формирование понятийного аппарата и принципов использования и охраны растительного мира в нашей стране.

Библиографический список

1. Бар К. фон. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 113–138.
2. Вид (в биологии) / Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Глотов, В. И. Иванов // Большая

Therefore, certain constituent entities of the Russian Federation (e.g. Dagestan, Ingushetia, Krasnodar Krai) demonstrate a reasonable position in their laws on the protection of green spaces when excluding from the purview of those the relations concerning the protection of green spaces on land plots occupied by individual residential buildings, garden, vegetable and household plots, countryside allotments, when defining green areas as areas of common land on which green spaces are located. However, in Krasnodar Krai it is established that the effect of the regional law may extend to relations in the field of protecting green spaces located on plots that are given to citizens for individual housing construction. Furthermore, the effect of the regional law extends to plots provided for horticultural or dacha-related non-profit associations of citizens if there are green plants included by local administrations of settlements and urban districts in a separate list of tree species that require special protection.

It seems that one of the most optimal wording is given in the Law 'On Green Spaces in Saint Petersburg', which says that it does not apply to the legal relationship concerning the creation, maintenance, use, accounting, protection and restoration of green spaces within the boundaries of specially protected natural areas, green plants located on agricultural land, green plants located on land plots in federal or private ownership as well as protective forests and forest parks.

In our opinion, regional legislation on the protection of green spaces would be much more effective if it was based on the provisions of the federal norms on the use and protection of vegetation. However, such provisions are yet to be formed.

Conclusions

The conducted research shows that in the current legislation the concept of forest is not defined with sufficient clarity and completeness. Beyond that, the situation is negatively affected by the prevalence of the 'land-based' approach to the regulation of forest relations, under which the key factor

when establishing the legal regime of forests is the legal regime of the lands on which they are located. At the same time, forest as a specific set of trees and other vegetation falls out of the legislator's focus of attention. It seems effectual to clarify the concept of forest by establishing a list of such groups of trees and other vegetation that cannot be classified as forests.

This issue can be solved as an isolated one. However, in our opinion, it is first of all important to define more general concepts, such as 'vegetation', 'plant life', 'plant'.

As of today, certain elements of the legislation on plant life – for example, regulations covering the protection of plants from diseases and pests, the protection of rare and endangered plants, seed production of agricultural and forest plants, the protection of green spaces in cities, and others – have already formed a certain array, which could later be taken as one of subsections of natural resource legislation. It seems beyond doubt that this should be reflected in a legislative act of the federal level – perhaps in a special law on plant life, similar to those introduced in neighboring countries and some constituent entities of the Russian Federation, or in new additional articles and sections of one of the existing laws, for example, the Forest Code of the Russian Federation. In our opinion, primary focus should be on the development of the conceptual framework and principles of the use and protection of plant life in our country.

References

1. Bar C. von. Dlya chego nuzhno ponyatie zemel'nogo uchastka (Grundstück) i chto eto takoe? O slozhnostyakh ustanovleniya soderzhaniya ponyatiya «veshh» v evropeyskom veshhnom prave [Why Do We Need the Concept of Land Plot (Grundstück) and What Is It? On the Difficulties of Establishing the Content of the Concept 'Thing' in European Property Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2018. Issue 5. Pp. 113–138. (In Russ.).
2. Vid (v biologii) / Timofeev-Resovskiy N. V., Glotov N. V., Ivanov V. I. [Type (in biology); N. V. Timofeev-Resovskiy, N. V. Glo-

советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 5.

3. Ерофеев Б. В. Советское лесное право: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1983. 156 с.

4. Игнатъева И. А. Экологическое право: вопросы теории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. 272 с.

5. Каверин А. М., Краснов Н. И., Немировский Е. И., Сыродоев Н. А. Законодательство о лесах. М.: Юрид. лит., 1978. 111 с.

6. Крассов О. И. Правовой режим земель государственного лесного фонда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / АН СССР. Ин-т государства и права. М., 1978. 18 с.

7. Минина Е. Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 108–117.

8. Полянская Г. Н. Понятие лесных отношений в общесоюзном и республиканском лесном законодательстве // Ученые записки ВНИИСЗ. 1972. Вып. 27. С. 36–51.

9. Полянская Г. Н. Право государственной собственности на леса в СССР. М.: Госюриздат, 1959. 407 с.

10. Серебрякова Т. И. Жизненные формы растений // Жизнь растений: в 6 т. / гл. ред. Ал. А. Фёдоров. М.: Просвещение, 1974. Т. 1: Введение. Бактерии и актиномицеты / под ред. Н. А. Красильникова, А. А. Уранова. С. 87–98.

11. Соколова А. К. Законодательные предпосылки формирования правовой охраны объектов растительного мира // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 129–137.

12. Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2018. 216 с.

13. Шуплецова Ю. И. Правовой режим земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. 2009. № 10. С. 119–122.

14. Bennett B. What is a forest? On the Vagueness of Certain Geographic Concepts // Topoi. 2001. Vol. 20. Pp. 189–201.

15. Putz F. E., Redford K. H. The Importance of Defining «Forest»: Tropical Forest Degradation, Deforestation, Long-term Phase Shifts, and Further Transitions // Biotropica. 2010. Vol. 42, № 1. Pp. 10–20. Doi:10.1111/j.1744-7429.2009.00567.x

16. Lund H. G. When is a forest not a forest? // Journal of Forestry. 2002. Vol. 100, № 8. Pp. 21–27.

17. Lund H. G. Accounting for the word's rangelands // Rangelands. 2007. Vol. 29, № 1. Pp. 3–10.

18. Koh L. P., Wilcove D. S. Is oil palm agriculture really destroying tropical biodiversity? // Conservation Letters. 2008. Vol. 1, № 2. Pp. 60–64. Blackwell Publishing, Inc. DOI: 10.1111/j.1755-263X.2008.00011.x.

19. Shanahan M. Q: When is a forest not a forest? A: When no-one knows. URL: <https://www.iied.org/q-when-forest-not-forest-when-no-one-knows#:~:text=As%20the%20UN's%20Food%20and,reach%20these%20thresholds%20in%20situ.%22>.

20. Burschel P., Huss J. Grundriß des Waldbaus. Ein Leitfaden für Studium und Praxis. 2., neubearbeitete und erweiterte Auflage. Parey; Berlin, 1999. 487 S.

21. Shupletsova Yu. I. § 1 Chapter 5 «The main trends of the modern environmental legislation development in Russia» // Preservation of the Environment: the Possibilities of Society and Law: monograph / V. R. Avkhadeev, S. R. Bagautdinova, S. A. Bogolyubov etc.; ed. board: A. Ya. Kapustin, Yu. N. Kashevarova, I. I. Chursina, S. V. Shulga, Yu. I. Shupletsova. M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. 160 p.

22. Shupletsova Yu. Rechtsprobleme der Kodifizierung der Umweltgesetzgebung Russlands // Recht der Umwelt. № 6. S. 190–192.

23. Schütt P., Aas G., Schuck H. J., Stimm B. Lexikon der Baum- und Straucharten: das Standardwerk der Forstbotanik; Morphologie, Pathologie, Ökologie und Systematik wichtiger Baum- und Straucharten. Verlag: Hamburg: Nikol, 2011. 581 S.

24. Wagner E.; Jandl C.; Sautner L. & Halbig M. Umweltrechtliche Haftungsfragen. Bei Bäumen, Pflanzen und Wegen / Institut für Umweltrecht, Johannes Kepler Universität Linz. 2016. 207 S.

References

1. Bar C. von. Dlya chego nuzhno ponyatie zemel'nogo uchastka (Grundstück) i chto eto takoe? O slozhnostyakh ustanovleniya soderzhaniya ponyatiya «veshh'» v evropeyskom veshhnom prave [Why Do We Need the Concept of Land Plot (Grundstück) and What Is It? On the Difficulties of

tov, V. I. Ivanov]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* / gl. red. A. M. Prokhorov. 3-e izd. [The Great Soviet Encyclopedia; ed. by A. M. Prokhorov; 3rd ed.]. Moscow, 1969–1978. Vol. 5. (In Russ.).

3. Erofeev B. V. *Sovetskoe lesnoe pravo: Ucheb. posobie* [Soviet Forest Law: textbook]. Moscow, 1983. 156 p. (In Russ.).

4. Ignat'eva I. A. *Ekologicheskoe pravo: voprosy teorii* [Environmental Law: Theoretical Questions]. Moscow, 2020. 272 p. (In Russ.).

5. Kaverin A. M., Krasnov N. I., Nemirovskiy E. I., Syrodoyev N. A. *Zakonodatel'stvo o lesakh* [Forest Legislation]. Moscow, 1978. 111 p. (In Russ.).

6. Krassov O. I. *Pravovoy rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regime of the State Forest Fund Lands: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Moscow, 1978. 18 p. (In Russ.).

7. Minina E. L. *Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva o rastitel'nom mire* [Trends in the Development of Legislation on the Plant World]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 5. Pp. 108–117. (In Russ.).

8. Polyanskaya G. N. *Ponyatie lesnykh otnosheniy v obshhesoyuznom i respublikanskom lesnom zakonodatel'stve* [The Concept of Forest Relations in the All-Union and Republican Forest Legislation]. *Uchenye zapiski VNIISZ* – Proceedings of the All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. 1972. Issue 27. Pp. 36–51. (In Russ.).

9. Polyanskaya G. N. *Pravo gosudarstvennoy sobstvennosti na lesa v SSSR* [State Ownership of Forests in the USSR]. Moscow, 1959. 407 p. (In Russ.).

10. Serebryakova T. I. *Zhiznennye formy rasteniy* [Life Forms of Plants]. *Zhizn' rasteniy: V 6-ti tomakh* / gl. red. Al. A. Fedorov [Plant Life: In 6 vols.; ed. by A. A. Fedorov]. Vol. 1. *Vvedenie. Bakterii i aktinomitsety* / pod red. N. A. Krasil'nikova, A. A. Uranova [Introduction. Bacteria and Actinomycetes; ed. by N. A. Krasil'nikov, A. A. Uranov]. Moscow, 1974. Pp. 87–98. (In Russ.).

11. Sokolova A. K. *Zakonodatel'nye predposylki formirovaniya pravovoy okhrany ob'ektov rastitel'nogo mira* [Legislative Prerequisites for the Formation of the Legal Protection of Flora Ob-

jects]. *Problemy zakonnosti* – Problems of Legality. 2014. Issue 125. Pp. 129–137. (In Ukr.).

12. Shupletsova Yu. I. *Pravovoe regulirovanie lesnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii: monografiya* [Legal Regulation of Forest Relations in the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.).

13. Shupletsova Yu. I. *Pravovoy rezhim zemel' lesnogo fonda* [Legal Regime of Forest Lands]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* – Agrarian and Land Law. 2009. Issue 10. Pp. 119–122. (In Russ.).

14. Bennett B. What Is a Forest? On the Vagueness of Certain Geographic Concepts. *Topoi*. 2001. Vol. 20 (2). Pp. 189–201. (In Eng.).

15. Putz F. E., Redford K. H. The Importance of Defining 'Forest': Tropical Forest Degradation, Deforestation, Long-Term Phase Shifts, and Further Transitions. *Biotropica*. 2010. Vol. 42. Issue 1. Pp. 10–20. DOI: 10.1111/j.1744-7429.2009.00567.x. (In Eng.).

16. Lund H. G. When Is a Forest not a Forest? *Journal of Forestry*. 2002. Vol. 100. Issue 8. Pp. 21–27. (In Eng.).

17. Lund H. G. Accounting for the Word's Rangelands. *Rangelands*. 2007. Vol. 29. Issue 1. Pp. 3–10. (In Eng.).

18. Koh L. P., Wilcove D. S. Is Oil Palm Agriculture Really Destroying Tropical Biodiversity? *Conservation Letters*. 2008. Vol. 1. Issue 2. Pp. 60–64. DOI: 10.1111/j.1755-263X.2008.00011.x. (In Eng.).

19. Shanahan M. Q: When Is a Forest not a Forest? A: When No-One Knows. Available at: <https://www.iied.org/q-when-forest-not-forest-when-no-one-knows#:~:text=As%20the%20UN's%20Food%20and,reach%20these%20thresholds%20in%20situ.%22>. (In Eng.).

20. Burschel P., Huss J. Grundriß des Waldbaus. Ein Leitfaden für Studium und Praxis; 2nd ed., revised and expanded. Parey, Berlin, 1999. 487 p. (In Germ.).

21. Shupletsova Yu. I. § 1 Chapter 5. The Main Trends of the Modern Environmental Legislation Development in Russia. Preservation of the Environment: the Possibilities of Society and Law: monograph; V. R. Avkhadeev, S. R. Bagautdinova, S. A. Bogolyubov etc.; editorial board: A. Ya. Kapustin, Yu. N. Kashevarova, I. I. Chursina, S. V. Shulga, Yu. I. Shupletsova. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the

Establishing the Content of the Concept 'Thing' in European Property Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2018. Issue 5. Pp. 113–138. (In Russ.).

2. Vid (v biologii) / Timofeev-Resovskiy N. V., Glotov N. V., Ivanov V. I. [Type (in biology); N. V. Timofeev-Resovskiy, N. V. Glotov, V. I. Ivanov]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* / gl. red. A. M. Prokhorov. 3-e izd. [The Great Soviet Encyclopedia; ed. by A. M. Prokhorov; 3rd ed.]. Moscow, 1969–1978. Vol. 5. (In Russ.).

3. Erofeev B. V. *Sovetskoe lesnoe pravo: Ucheb. posobie* [Soviet Forest Law: textbook]. Moscow, 1983. 156 p. (In Russ.).

4. Ignat'eva I. A. *Ekologicheskoe pravo: vo-prosy teorii* [Environmental Law: Theoretical Questions]. Moscow, 2020. 272 p. (In Russ.).

5. Kaverin A. M., Krasnov N. I., Nemirovskiy E. I., Syrodov N. A. *Zakonodatel'stvo o lesakh* [Forest Legislation]. Moscow, 1978. 111 p. (In Russ.).

6. Krassov O. I. *Pravovoy rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regime of the State Forest Fund Lands: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Moscow, 1978. 18 p. (In Russ.).

7. Minina E. L. *Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva o rastitel'nom mire* [Trends in the Development of Legislation on the Plant World]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 5. Pp. 108–117. (In Russ.).

8. Polyanskaya G. N. *Ponyatie lesnykh otnosheniy v obshhesoyuznom i respublikanskom lesnom zakonodatel'stve* [The Concept of Forest Relations in the All-Union and Republican Forest Legislation]. *Uchenye zapiski VNIISZ* – Proceedings of the All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. 1972. Issue 27. Pp. 36–51. (In Russ.).

9. Polyanskaya G. N. *Pravo gosudarstvennoy sobstvennosti na lesa v SSSR* [State Ownership of Forests in the USSR]. Moscow, 1959. 407 p. (In Russ.).

10. Serebryakova T. I. *Zhiznennye formy rasteniy* [Life Forms of Plants]. *Zhizn' rasteniy: V 6-ti tomakh* / gl. red. A. A. Fedorov [Plant Life: In 6 vols.; ed. by A. A. Fedorov]. Vol. 1. *Vvedenie. Bakterii i aktinomitsety* / pod red. N. A. Krasil'nikova, A. A. Uranova [Introduction. Bacteria and Actinomycetes; ed. by N. A. Krasil'nikov,

A. A. Uranov]. Moscow, 1974. Pp. 87–98. (In Russ.).

11. Sokolova A. K. *Zakonodatel'nye predposylki formirovaniya pravovoy okhrany ob'ektov rastitel'nogo mira* [Legislative Prerequisites for the Formation of the Legal Protection of Flora Objects]. *Problemy zakonnosti* – Problems of Legality. 2014. Issue 125. Pp. 129–137. (In Ukr.).

12. Shupletsova Yu. I. *Pravovoe regulirovanie lesnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii: monografiya* [Legal Regulation of Forest Relations in the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.).

13. Shupletsova Yu. I. *Pravovoy rezhim zemel' lesnogo fonda* [Legal Regime of Forest Lands]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* – Agrarian and Land Law. 2009. Issue 10. Pp. 119–122. (In Russ.).

14. Bennett B. What Is a Forest? On the Vagueness of Certain Geographic Concepts. *Topoi*. 2001. Vol. 20 (2). Pp. 189–201. (In Eng.).

15. Putz F. E., Redford K. H. The Importance of Defining 'Forest': Tropical Forest Degradation, Deforestation, Long-Term Phase Shifts, and Further Transitions. *Biotropica*. 2010. Vol. 42. Issue 1. Pp. 10–20. DOI: 10.1111/j.1744-7429.2009.00567.x. (In Eng.).

16. Lund H. G. When Is a Forest not a Forest? *Journal of Forestry*. 2002. Vol. 100. Issue 8. Pp. 21–27. (In Eng.).

17. Lund H. G. Accounting for the Word's Rangelands. *Rangelands*. 2007. Vol. 29. Issue 1. Pp. 3–10. (In Eng.).

18. Koh L. P., Wilcove D. S. Is Oil Palm Agriculture Really Destroying Tropical Biodiversity? *Conservation Letters*. 2008. Vol. 1. Issue 2. Pp. 60–64. DOI: 10.1111/j.1755-263X.2008.00011.x. (In Eng.).

19. Shanahan M. Q: When Is a Forest not a Forest? A: When No-One Knows. Available at: <https://www.iied.org/q-when-forest-not-forest-when-no-one-knows#:~:text=As%20the%20UN's%20Food%20and,reach%20these%20thresholds%20in%20situ.%22>. (In Eng.).

20. Burschel P., Huss J. *Grundriß des Waldbaus. Ein Leitfaden für Studium und Praxis*; 2nd ed., revised and expanded. Parey, Berlin, 1999. 487 p. (In Germ.).

21. Shupletsova Yu. I. § 1 Chapter 5. The Main Trends of the Modern Environmental Legislation Development in Russia. *Preservation of the Environment: the Possibilities of Society and Law:*

Government of the Russian Federation, 2019. 160 p. (In Eng.).

22. Shupletsova Yu. Rechtsprobleme der Kodifizierung der Umweltgesetzgebung Russlands. *Recht der Umwelt*. Issue 6. Pp. 190–192. (In Germ.).

23. Schütt P., Aas G., Schuck H. J., Stimm B. *Lexikon der Baum- und Straucharten: das Standardwerk der Forstbotanik; Morphologie, Pathologie, Ökologie und Systematik wichtiger Baum- und Straucharten*. Hamburg: Nikol Verlagsgesellschaft mbH, 2011. 581 p. (In Germ.).

24. Wagner E., Jandl C., Sautner L., Halbig M. *Umweltrechtliche Haftungsfragen. Bei Bäumen, Pflanzen und Wegen*. Linz: Institut für Umweltrecht, Johannes Kepler Universität Linz, 2016. 207 p. (In Germ.).

References in Russian

1. Бар К. фон. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 113–138.

2. Вид (в биологии) / Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Глотов, В. И. Иванов // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. Т. 5.

3. Ерофеев Б. В. Советское лесное право: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1983. 156 с.

4. Игнат'ева И. А. Экологическое право: вопросы теории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. 272 с.

5. Каверин А. М., Краснов Н. И., Немировский Е. И., Сыродоев Н. А. Законодательство о лесах. М.: Юрид. лит., 1978. 111 с.

6. Крассов О. И. Правовой режим земель государственного лесного фонда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / АН СССР. Ин-т государства и права. М., 1978. 18 с.

7. Минина Е. Л. Тенденции развития законодательства о растительном мире // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 108–117.

8. Полянская Г. Н. Понятие лесных отношений в общесоюзном и республиканском лесном законодательстве // Ученые записки ВНИИСЗ. 1972. Вып. 27. С. 36–51.

9. Полянская Г. Н. Право государственной собственности на леса в СССР. М.: Госюриздат, 1959. 407 с.

10. Серебрякова Т. И. Жизненные формы растений // Жизнь растений: в 6 т. / гл. ред. Ал. А. Фёдоров. М.: Просвещение, 1974. Т. 1: Введение. Бактерии и актиномицеты / под ред. Н. А. Красильникова, А. А. Уранова. С. 87–98.

11. Соколова А. К. Законодательные предпосылки формирования правовой охраны объектов растительного мира // Проблемы законности. 2014. № 125. С. 129–137.

12. Шуплетцова Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2018. 216 с.

13. Шуплетцова Ю. И. Правовой режим земель лесного фонда // Аграрное и земельное право. 2009. № 10. С. 119–122.

14. Bennett B. What is a forest? On the Vagueness of Certain Geographic Concepts // *Topoi*. 2001. Vol. 20. Pp. 189–201.

15. Putz F. E., Redford K. H. The Importance of Defining «Forest»: Tropical Forest Degradation, Deforestation, Long-term Phase Shifts, and Further Transitions // *Biotropica*. 2010. Vol. 42, № 1. Pp. 10–20. Doi:10.1111/j.1744-7429.2009.00567.x

16. Lund H. G. When is a forest not a forest? // *Journal of Forestry*. 2002. Vol. 100, № 8. Pp. 21–27.

17. Lund H. G. Accounting for the word's rangelands // *Rangelands*. 2007. Vol. 29, № 1. Pp. 3–10.

18. Koh L. P., Wilcove D. S. Is oil palm agriculture really destroying tropical biodiversity? // *Conservation Letters*. 2008. Vol. 1, № 2. Pp. 60–64. Blackwell Publishing, Inc. DOI: 10.1111/j.1755-263X.2008.00011.x.

19. Shanahan M. Q: When is a forest not a forest? A: When no-one knows. URL: <https://www.iied.org/q-when-forest-not-forest-when-no-one-knows#:~:text=As%20the%20UN's%20Food%20and,reach%20these%20thresholds%20in%20situ.%22>.

20. Burschel P., Huss J. *Grundriß des Waldbaus. Ein Leitfaden für Studium und Praxis*. 2., neubearbeitete und erweiterte Auflage. Parey; Berlin, 1999. 487 S.

21. Shupletsova Yu. I. § 1 Chapter 5 «The main trends of the modern environmental legislation development in Russia» // *Preservation of the Environment: the Possibilities of Society and Law: monograph* / V. R. Avkhadeev, S. R. Bagautdinova, S. A. Bogolyubov etc.; ed. board:

monograph; V. R. Avkhadeev, S. R. Bagautdinova, S. A. Bogolyubov etc.; editorial board: A. Ya. Kapustin, Yu. N. Kashevarova, I. I. Chursina, S. V. Shulga, Yu. I. Shupletsova. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. 160 p. (In Eng.).

22. *Shupletsova Yu.* Rechtsprobleme der Kodifizierung der Umweltgesetzgebung Russlands. Recht der Umwelt. Issue 6. Pp. 190–192. (In Germ.).

Информация об авторах:

Е. Л. Минина, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34
ORCID: 0000-0003-1978-5330

Ю. И. Шуплецова, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34
ORCID: 0000-0001-9099-8262
ResearcherID: G-4965-2019
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI : 10.1007/978-3-030-47945-9_120
DOI:10.1070/QEL16724

23. *Schütt P., Aas G., Schuck H. J., Stimm B.* Lexikon der Baum- und Straucharten: das Standardwerk der Forstbotanik; Morphologie, Pathologie, Ökologie und Systematik wichtiger Baum- und Straucharten. Hamburg: Nikol Verlagsgesellschaft mbH, 2011. 581 p. (In Germ.).
24. *Wagner E., Jandl C., Sautner L., Halbig M.* Umweltrechtliche Haftungsfragen. Bei Bäumen, Pflanzen und Wegen. Linz: Institut für Umweltrecht, Johannes Kepler Universität Linz, 2016. 207 p. (In Germ.).

About the authors:

E. L. Minina
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia
ORCID: 0000-0003-1978-5330

Yu. I. Shupletsova
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia
ORCID: 0000-0001-9099-8262
ResearcherID: G-4965-2019
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI : 10.1007/978-3-030-47945-9_120
DOI:10.1070/QEL16724

A. Ya. Kapustin, Yu. N. Kashevarova, I. I. Chursina, S. V. Shulga, Yu. I. Shupletsova. M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019. 160 p.
22. *Shupletsova Yu.* Rechtsprobleme der Kodifizierung der Umweltgesetzgebung Russlands // Recht der Umwelt. № 6. S. 190–192.
23. *Schütt P., Aas G., Schuck H. J., Stimm B.* Lexikon der Baum- und Straucharten: das Stan-

About the authors:

E. L. Minina
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia

ORCID: 0000-0003-1978-5330

Yu. I. Shupletsova
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia
ORCID: 0000-0001-9099-8262
ResearcherID: G-4965-2019
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI : 10.1007/978-3-030-47945-9_120
DOI:10.1070/QEL16724

dardwerk der Forstbotanik; Morphologie, Pathologie, Ökologie und Systematik wichtiger Baum- und Straucharten. Verlag: Hamburg: Nikol, 2011. 581 S.
24. *Wagner E.; Jandl C.; Sautner L. & Halbig M.* Umweltrechtliche Haftungsfragen. Bei Bäumen, Pflanzen und Wegen / Institut für Umweltrecht, Johannes Kepler Universität Linz. 2016. 207 S.

Информация об авторах:

Е. Л. Минина, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

ORCID: 0000-0003-1978-5330

Ю. И. Шуплецова, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34
ORCID: 0000-0001-9099-8262
ResearcherID: G-4965-2019
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI : 10.1007/978-3-030-47945-9_120
DOI:10.1070/QEL16724